

Парфёнов М.С.

Андрей Миллер

Вера Сорока Тимур Максютов

Олег Савощик Ольга Свобода Александр Сордо

Дарина Стрельченко Евгений Шиков Наит Мерилион

Сергей Седов Алекс Передерий

Депрессия.

Торг.

САМАЯ ЧЕСТНАЯ КНИГА
О ПИСАТЕЛЬСТВЕ

Писательство.

**Ольга Свобода
Сергей Седов
Найт Мерилион
Евгений Шиков
Александр Сордо
М. С. Парфенов
Дарина Александровна Стрельченко
Вера Сорока
Алекс Передерий
Олег Сергеевич Савощик
Андрей Миллер
Тимур Ясавеевич Максютон
Юлий Сон
Максим А. Суворов
Депрессия. Торг. Писательство**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69604042

Депрессия. Торг. Писательство:

ISBN 978-5-6048651-0-1

Аннотация

Книга включает в себя ряд эссе, написанных людьми, которые в минувшее десятилетие в условиях российской действительности и стран СНГ прошли путь от авторов первых рассказов до издающихся писателей с аудиторией. А также короткие художественные рассказы от них же.

Одна половина книги – это личные, а где-то и сокровенные истории двенадцати человек, которым удалось установить живой контакт с аудиторией уже в настоящем. Материалы, посвященные навыкам и инструментам писательского ремесла, а также методам работы с духовными барьерами, такими как неписун и непринятие творчества окружающими.

Вторая половина включает избранные художественно-развлекательные рассказы, столь разные жанрово и стилистически, что ни одна другая книга не сумела бы объединить их под одной обложкой.

Содержание

Ярче! Не слепит	5
Предисловие	9
«О бессмысленности писательства»	11
«Тур силы»	22
«Маленький домашний писатель»	40
«Оруженосец Стальной Звезды»	57
«В пустоте»	75
«Лишний вес»	86
«Что ест ваш герой?»	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Депрессия. Торг. Писательство

Ярче! Не слепит

Путь становления профессионалом в любой области – это всегда обучение новому и ни с чем не сравнимое удовольствие от осознания собственного роста. Но в то же время это всегда путь преодоления трудностей и препятствий, на котором отнюдь не каждая победа дается легко.

Так вот. Эта книга, она про преодоление препятствий с улыбкой – на любом этапе творческого и профессионального становления.

Она также о свободе выбора и разнообразии взглядов и мнений. С уверенностью можно сказать, что она про писательство, но в то же время она и про то, что можно, в общем-то, не писать и оттого быть только счастливее.

Под ее обложкой собралось 12 непохожих друг на друга писателей. Здесь ведущие авторы ужасов, сетевые авторы со стотысячной аудиторией, романисты ЭКСМО и АСТ, финалист АБС-премии, автор современной прозы, публикующаяся в «Эсквайр» и вместе с Евгением Бабушкиным (автор редакции Елены Шубиной) дающая уроки литературного ма-

стерства.

И каждый из них рассказывает что-то особенное.

Каждый из них делится личным опытом — тем опытом, которого им самим так не хватало в начале пути или еще совсем недавно. А также теми профессиональными инструментами, которые изменили их подход к творчеству и позволили выйти на новый уровень.

Вы обязательно заметите, что некоторые тезисы в книге будут противоречить друг другу, и это делает «Д.Т.П.» необыкновенной. В столкновении мнений, порой противоположных, мы имеем возможность не просто перенять чужой жизненный и писательский опыт, но сформировать из него нечто новое, нечто свое.

В некотором роде это предложение увидеть мир творчества и литературы не просто изнутри, но с множества ракурсов, порой впечатляюще разных, а в некоторых вопросах удивительно схожих.

Книга имеет необычную структуру. Она состоит из художественной и публицистической частей, и я провел немало времени в раздумьях, как именно расположить тексты, чтобы обеспечить читателю наиболее увлекательный и последовательный опыт. Думаю, все получилось правильно. И все же внизу некоторых страниц помещены удобные элементы навигации, которые помогут читать работы в другом порядке,

если по каким-то причинам вы решите, что так будет лучше.

Что касается художественной составляющей, вас ждут не просто истории разных жанров. В книге собраны рассказы, демонстрирующие разные подходы и стилистику письма. Вы сможете сравнить работы авторов-ремесленников, мастерски обращающихся с инструментарием писателя, и авторов-интуитов, редких талантов, пишущих по наитию. В чем отличие между ними и где проходит грань – полагаю, каждый ответит себе сам.

Название «Депрессия. Торг. Писательство» пришло не сразу. Не буду пытаться утаить, что это название – в некотором роде маркетинговая уловка, отсылка к известным пяти стадиям принятия, что сразу бросается в глаза. Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. И все же будет ошибкой полагать, что название могло быть первично или заявлялось авторам в качестве темы для данной книги.

Оно пришло уже после того, как были собраны и обработаны все включенные в книгу эссе. Мы обратили внимание на общие боли таких разных людей, как по-своему они их переживают. Несмотря на все различия, как и в любой другой области жизни, речь всякий раз заходит об испытаниях, возникающих на пути, и о том, что их преодоление может стать самым что ни на есть буквальным инструментом личностного роста.

Иначе говоря, «Депрессия. Торг. Писательство» – это, конечно же, не про депрессию, а про последнюю стадию. Ту, что ведет к принятию, движению вперед и внутреннему свету.

Максим Суворов,
издательство «Крафтовая литература»

Предисловие

За редким исключением не читаю предисловия к книгам, поэтому не питаю иллюзий, что вы это сделаете. К тому же, если избегать высокопарных стандартных слов, мне сказать-то особо нечего.

Да, пришла идея издать книгу про писательство; да, двенадцати классным авторам понравилась затея; да, они сделали буквально то, что лучше всего умеют: написали 12 личных историй и 12 отличных рассказов.

И да, все прошло гладко, без скандалов, без серьезных проблем и взаимных претензий.

Казалось бы, зачем я тогда трачу ваше время, если и так все понятно.

Дело в том, что есть один пункт, который до сих пор поражает меня в сборнике.

Как ни странно, это эссе: они вышли намного выше уровнем, чем я ожидал. Ни секунды не сомневался в художественных историях авторов – они мастера, из десяти попыток напишут девять потрясающих рассказов. Что же касается эссе, тут сложнее: все-таки это личные истории, где уже не спрячешься за маской главного героя, ведь главный герой – сам автор.

И вот тут я был поражен.

Лишь несколько фактов:

1. Прочел двенадцать эссе по четыре раза.

2. Зачитавшись ими, проехал дважды свою станцию метро (туда и обратно).

3. Коллега по работе начал писать рассказы после того, как случайно прочитал забытый мной распечатанный вариант одного эссе.

Это чистый восторг, нереальное эстетическое удовольствие и сумасшедшая мотивация начать писать. Ну или же продолжить, если задумываетесь над тем, чтобы все бросить. Не надо. Просто почитайте сборник, и силы вернутся. После прочтения меня все время подмывало сказать: «Наш сборник – такой один. Ничего подобного даже близко не было». До сих пор не знаю, правда это или нет. Три раза искал похожее в Интернете и не нашел. Возможно, плохо искал. А возможно, вы держите в руках действительно очень полезную и нужную книгу, к которой, как и я, будете возвращаться, чтобы она помогла вам в трудные минуты, в минуты сомнений ответить на простой вопрос:

«Заниматься творчеством или нет?»

Всем приятного прочтения!

Юлий Сон,

литературный проект «Пиши за гроши»

«О бессмысленности писательства»

Вера Сорока

Эссе

Дисклеймер: я Вера Сорока, и сейчас я буду говорить очень спорные и не очень приятные вещи. Это мое мнение. Оно может совпадать или не совпадать с вашим.

И это хорошо.

Разумеется, у меня были сомнения насчет права высказываться о литературном процессе. Права залезть на табурет и вещать. Вообще, забавная штука с этими вечными вопросами о том, достоин ли я. У крановщиков, например, не возникает вопроса, а достаточно ли они хороши, чтобы работать на кране. У пилотов не возникает. И у дизайнеров тоже не бывает ничего подобного. Некоторый уровень профильного образования позволяет людям иметь отношение к профессии.

Но с писательством такое не прокатывает. В писательстве ты всегда недостаточно хорош. И даже если вдруг на секунду покажется, что это не так, тут же приходят люди и заботливо напоминают о бесталанности и бессмысленности.

Думаю, есть две категории – авторы, которые после пер-

вого же написанного рассказа представляются писателями, и те, кто даже после пятой изданной книги не считают возможным так себя называть.

Я подозревала, что вечно буду во второй категории. Но в какой-то момент мне ужасно надоело носиться с этим званием, которое как бы неудобно брать самому. Его всегда нужно заслужить, пройдя некую полосу препятствий – непременно страдать (иначе просто нечего делать в русской литературе)/отречься от чего-либо/героически погибнуть. И лучше бы все сразу, чтобы наверняка.

Ну, камон, давайте уже разберемся с этим. Для меня писатель – это человек, который получает условный гонорар за свое творчество. Хотя бы иногда. С классиками немного другая история. Но не будем сейчас сравнивать зеленое с квадратным.

И да, авторы любовных романов в мягких обложках – тоже писатели. И уже пора прекратить произносить это слово с придыханием.

Я не могу не писать

Очень боюсь таких людей. Когда слышу эту фразу, сразу включается алерт¹. Я, например, очень даже могу не писать. Я готова перечислить пару сотен дел, которые куда приятнее писательства. Вот чего точно не могу, так это не ходить в туалет, когда организм требует. Но писательство к таким

¹ Сигнал тревоги. – прим. ред.

позывам не относится.

Писательство – это бесконечные сомнения. Писательство – это вечная неудовлетворенность. Писательство – это мазохизм. Писательство – плохая во всех отношениях идея.

Но для себя в этом процессе я нашла несколько вещей, которые помогают переживать темные времена. Благодаря этому писательство имеет хоть какой-то смысл.

Мы все в одной палате

Не знаю почему, но писатели любят разные объединения. Кажется, это какой-то древний инстинкт, который заставляет сбиваться в стаи. Я состою в нескольких таких стаях, хотя и считаю, что по-настоящему помогает только личное общение.

Думаю, группа дает некое эфемерное чувство защищенности. Понимание, что ты не один странненький такой. Эти люди на похоронах тоже думают, что нужно запомнить каждую деталь для более достоверного описания.

Эти люди – мы. Те, кто слишком остро ощущает действительность и может переключать роли и функции повествователя.

Именно благодаря литературе и разговорам по поводу нее у меня сложился круг общения, который есть сейчас и которым я очень дорожу.

Нынче модно называть это словом «комьюнити», но я старовер и предпочитаю олдскульное определение «дружба».

А если искреннее общение не является для вас достаточно веским поводом, то есть вполне материальный профит. Например, благодаря своим знакомым писателям, я свободно могу гастролировать по России и некоторым другим странам, не задумываясь о жилье.

Долго. И приятно, чего уж.

Писательство бессмысленно, но люди, которые вместе с тобой купились на романтические идеалы, выдают столько поддержки, сколько не может дать целый стадион сексуальных черлидерш.

У нас одна история болезни, и каждый из нас задумывался о бессмысленности. Каждый завязывал (и не раз), но потом все равно открывал новый документ и начинал.

Это не лечится.

Вместе болеть проще.

ЧСВ и конкурсы

Давайте будем честны, вся эта шумиха с писаниной – только ради того, чтобы нас прочли и похвалили. Писатель без амбиций – немножко инвалид.

А литература, как и занятие любовью, предполагает участие как минимум двоих – писателя и читателя. Если вы пишете в стол – это онанизм.

Поэтому важно выходить из уютной норы и показывать написанное. Ведь иначе невозможно стать лучше. Ровно как с изучением иностранного языка – попытка выучить все иде-

ально и только потом заговорить приводит к провалу. Всегда.

Нужно пробовать и ошибаться. Косячить так, что через пять лет будет ужасно стыдно за свои тексты. Но если не выписать из себя всю дрянь, то ни через пять, ни через десять лет не будет ничего стоящего. Да, это несправедливо, и да, есть исключения. Хотя в среднем по больнице все именно так.

И если мы заговорили о негативе и несправедливости, невозможно не сказать про писательские конкурсы. Бессмысленнее них нет ничего.

Не понимаю, как можно устраивать соревнование в искусстве. Как это вообще? Кто быстрее напишет роман? Или кто быстрее всех отредактирует? Не встречала более субъективной вещи, чем литконкурсы. Особенно с самосудом на первых этапах, когда люди осознанно минусуют более сильные тексты.

Но даже эта возня в грязи необычайно полезна. Конкурентная писательская среда рефлексизирующих мизантропов дает возможность посмотреть в зеркало и проверить свои моральные ориентиры.

Потом проиграть, разумеется. Зато честно.

И еще немного о несправедливости. Большинство писательских конкурсов – про эйджизм. До тридцати тебе как будто нечего сказать, а вот после тридцати пяти уже поздно. И если в нижних возрастных ограничениях я вижу хоть ка-

кой-то смысл, то верхние ограничения просто бессмысленны.

Впрочем, они заставляют хоть немного шевелиться. Например, если бы не премия «Лицей», я наверняка еще лет десять собирала свой первый сборник рассказов.

II – психология

Не могу утверждать наверняка, но есть что-то ненормальное в потребности выдумывать. Ненормальное и прекрасное.

В один прекрасный день я обратилась к психологу по поводу моей коллекции разнообразных фобий, которые очень мешали. И психолог сказал, что мне и таким, как я, обычно помогает писательство. Ведь это эскапизм на максималках.

От истории, которую пытаются рассказать тебе, еще можно отключиться. От истории, которую рассказываешь ты, отключиться практически невозможно.

Т. е. писательство – это как тренажер, на котором можно так ушатать мозг, что у него не останется сил на генерацию страхов. Не захочется ни пугать, ни бояться.

И это реально работает.

Да, писательство бесполезно, но сам процесс придумывания полезен невероятно.

Замысел и герои

Самым дельным советом, который я получила на писательских курсах, был совет не начинать. Просто не лезть в

это говно – вас там никто не ждет. Максимально честно и по делу. Ведь литературный процесс ни на одном из своих этапов не похож на приятную прогулку по лугу, полному лебедей и единорогов.

Сначала ты мучаешься, разрабатывая сюжет и форму. Нужно ли говорить, что они никогда не бывают идеально заточены друг под друга?

Придумываешь историю, драму, кульминацию, несколько смысловых уровней. Тщательно прописываешь героев. Но стоит немного отвлечься, как эти засранцы не просто перестают дышать, они превращаются в ростовые картонные куклы. Они то болтливы до отвращения, то не могут сказать и пары слов. Они гарантированно будут сводить с ума.

Если герои прописаны хорошо, то в какой-то момент они всегда начинают творить разную дичь. Контролировать это практически невозможно. Остается только получать извращенное удовольствие от постоянного перестраивания сюжета.

Такое себе развлечение.

Отрицание, гнев, торг, депрессия, редакция

Так, что там дальше в списке пыток? А, мое любимое – редакция. Редактировать для меня все равно что пытаться вытащить кирпич из стены. Проще все разломать и построить заново.

Хорошие редакторы давно занесены в Красную книгу. Ес-

ли вдруг видите такого, несите ему деньги, жемчуга, сахар и святой Грааль. Одним словом – все!

Это вложение всегда окупится.

Продвижение

Да, есть люди, которые так дописывают книги. Они отправляют рукопись и думают, что на следующий день проснутся знаменитыми. Максимум, к концу недели.

Но так вообще не работает. Сейчас мало быть писателем. Сейчас нужно быть медийной личностью, спикером, дизайнером, фотомodelью, СММщиком, уметь жонглировать горящими стульями и успешно вести блог сразу во всех соцсетях. Потому что иначе всем плевать на вашу книгу.

Критика

Если удалось продвинуть книгу, открывается новый уровень боли – критика. Как правило, бессмысленная и беспощадная.

Вы просто хотите рассказать историю, немного развлечь народ, но если текст опубликован, люди считают, что обязаны высказаться по его поводу.

Публикация – это когда вы приглашаете в дом всех, кто проходит мимо, а они ломают фикус и ссут в раковину.

Критика – это неплохо. Даже хорошо. Но не нужно путать отзывы и критику. Настоящие критические статьи могут писать немногие. Это огромный труд, доступный далеко

не каждому образованному человеку. Нужно обладать бесконечной эрудицией, иронией и чувством такта, чтобы писать хорошую критику. Ту, которую печатают в толстых журналах. Ту, которую интересно и полезно читать, ведь от такой критики становится лучше не только писатель, но и читатель.

Комментарии читателей – это не критика. Это просто мнение, которое безусловно важно. Но оно не должно существенно влиять на планы продолжать писать.

Да, писательство бессмысленно, но умение работать с разными видами критики и комментариев невероятно ценно. Получение обратной связи учит разборчивости. И не нужно путать ее с высокомерием.

Не стоит тратить время на написание текста, который нравиться всем. Кто-то любит бесконечные описания природы, кто-то любит бесконечные предложения, кто-то любит маму, а кто-то любит кушать кашу. Просто нужно понимать своего читателя и своего критика. И прислушиваться только к ним.

Я, например, очень болезненно реагирую на критику. Но с каждым годом болевой порог повышается. Иногда даже становится смешно. А иногда я понимаю, что если моя проза не нравится человеку с определенным вкусом, значит, я делаю что-то правильно.

Все сначала

И вот, пройдя через все круги писательского ада, мы ока-

зывается в самом начале пути. Если ты построил девять домов, то можно смело утверждать, что десятый получится хорошим. Но если ты написал девять романов, то бессмысленно надеяться, что десятый будет достойным. Нет никаких гарантий, всегда приходится начинать заново и всегда страшно, что в этот раз твои трюки не сработают.

Писательство бессмысленно, но каждый раз, когда твои трюки срабатывают и ты открываешь для себя новые, ты счастлив.

Это бывает так редко и длится не дольше минуты. Но ощущение настолько сильное, что всегда хочется повторить.

Секрет

Секрет в том, что секрета нет. Впрочем, как нет ни Деда Мороза, ни вдохновения. Среди моих друзей, которые пишут действительно хорошо, слово «вдохновение» либо не употребляется вовсе, либо в язвительно-ироничном контексте.

Вместо вдохновения есть упорство, настойчивость и умение придерживаться сроков.

Не знаю, как дело обстоит с талантом, но упорство и сосредоточенность точно прокачиваются. И это просто восхитительные навыки не только для писательства, но и для жизни.

Если хочется писать, всегда можно найти время и место. Я писала в самолете, такси, в спортбаре, в зале выдачи багажа,

в метро, на пароме, в автобусе и на автобусной остановке.

Потому что тогда мне это было действительно нужно.

Я не верю в уютные писательские кабинеты. Я верю в желание. А если есть желание, появляется смысл.

Даже в писательстве.

Итого

Короче говоря, писательство – довольно неприятное занятие, которое бесит, злит, сжирает изнутри и ужасно выматывает. И все это ради секундного понимания, что история сложилась, что герой сказал именно ту фразу, которую должен был. И что эта фраза действует на читателя.

Такой себе профит, если честно.

Само по себе писательство бессмысленно. Имеет смысл только то, что вокруг – люди, мотивация, бескорыстность. Искренняя любовь к историям.

Долгое время я писала, что верю в хорошие истории, хорошее вино и неплохих людей.

Больше так не пишу, но до сих пор в это верю. Пусть это и бессмысленно.

«Тур силы»

Вера Сорока

Рассказ

Грег сидел на краю кушетки. Не в супергеройском – в обычной одежде.

– Говорят, Кларк собрался в тур силы. Хочет напиться энергией.

– Вот же мутила. Как только написал про Индию в твиттер, это моментально стало трендом. Теперь все собираются в тур силы.

– А вы не хотите?

– Чего? Еще сильнее превращаться в дерево? Вы серьезно? Я не Человек-камень. Даже не долбаный Василиск. Знаете, что будет, если умножить посредственную суперсилу?

– Что же?

– Еще больше посредственной суперсилы.

– Ну это не совсем верно.

– Доктор, я так больше не могу. Не могу соответствовать тусовке Кларка. Не могу снимать эти долбанные сторис во время того, как кого-то спасаю. У меня даже нет нормального супергеройского костюма, потому что все знаменитые модельеры работают с крутыми супергероями. На меня у них просто нет времени.

– Думаю, вам было бы полезно сменить обстановку, чтобы преодолеть этот кризис.

– Может, ненадолго уехать в город поменьше, где мои способности будут ценить?

– Грег, вы же знаете, что от себя не убежать. Хоть в Индию поезжай, хоть в Россию.

– В Россию?

– Это я так, для примера.

– А почему бы и нет? Это будет тур самопознания и силы. Как в Индию, только лучше! И знаете что, я не поеду в Москву, я поеду в Сибирь. Туда, где снег и медведи.

– Пакет надо?

– Давайте, – устало согласилась Маша, – один.

Под монотонное кассовое пиканье Маша взяла пакет, но никак не могла его открыть. Подула, потом пошуршала. Но это не помогло. Тетка в очереди начала недовольно цокать языком.

Маша представила как душит ее этим же пакетом.

У тетки на ленте лежали кошачьи консервы и бутылка дешевого вина.

«Хорошо ей», – подумала Маша. У нее самой была сильная аллергия на шерсть, поэтому некому было носить консервы. Но у Маши были другие питомцы, не как у всех.

Пакет наконец открылся, она быстро поскидывала в него продукты и вышла.

Рядом с магазином будничная гопота – смех, пиво, громкие разговоры. Маша всегда удивлялась, как можно пить пиво на улице в такой мороз. Она спокойно прошла мимо – уже давно никого не боялась. На районе ее все знали. Подростки – потому что она их учила, взрослые – потому что когда-то учились с ней. Маша ко всем находила подход и у большинства бывала дома – подрабатывала репетиторством.

Она открыла дверь и вошла в очередной одинокий вечер. В квартире было тихо и темно. Маша постояла так в темноте, не выпуская пакет из рук. С ботинок натекла грязная лужа. Пришлось стянуть их, чтобы не касаться мокрых шнурков. Тяжелую дубленку кинула на пол.

В зале поздоровалась со своими питомцами. Рассмотрела каждого сквозь прозрачные стенки, покормила, погладила через стекло. Каждый был таким красивым – особенного окраса и характера. Кто-то пушистый, а кто-то гладкий, но очень яркий.

На следующий день Грег вышел из самолета в омском аэропорту. А уже спустя три часа лежал на снегу, и сразу трое били его ногами. Это произошло довольно просто – без предупреждений, разговоров и веского повода.

Просто так.

Грег устал, замерз и совсем не был готов к драке. Он только кое-где превратился в дерево, чтобы защититься.

Было уже темно, когда его оставили в покое. Мимо ходили

люди, но никто не обращал внимания. Он звал на помощь, но все просто шли мимо. Грегу показалось, что он замерз насмерть и стал призраком. Призраком в этой холодной жуткой глуши.

Грег попытался встать, но поскользнулся и снова упал. Никогда в жизни ему не было так больно и обидно. Он лежал на снегу и тихо смеялся разбитым ртом: «Чертов Кларк Кент, тебя бы тоже здесь отмудохали».

– Что? – Рядом остановилась женщина.

– Я сказал, что и Кларка бы здесь избили. – Грег попытался сесть, но голова закружилась, и он аккуратно опустился обратно на снег. – А ты меня слышишь?

– Да вся улица тебя слышит.

– Тогда почему ко мне никто не подходит?

– Мало кто понимает английский, думают, что ты пьяный. Давай помогу подняться. Где твоя гостиница?

– Не знаю. Я еще не успел.

– Ясно. Документы хоть целы?

Грег проверил карманы и помотал головой. Женщина что-то отрывисто сказала по-русски. Он не понял.

В детстве Маша часто приносила домой бездомных котов и собак. Потом задыхалась, конечно, но ничего не говорила родителям, чтобы животных не выбросили обратно на улицу.

Дольше всего у них прожил черно-белый кот – почти ме-

сяц. Потом Машу увезла скорая из-за сильного отека. Когда вернулась из больницы, кота уже не было. Больше никого и никогда не было.

Прошло двадцать лет, и Маша снова притащила кого-то в дом. Хотя и не чувствовала прежней радости. Чувствовала только неловкость и странный незнакомый запах. А еще стыдилась русского акцента, хоть и безупречно знала грамматику.

Спала на раскладушке.

На следующий день в темноте быстро собралась на работу. Проверила, что человек дышит, и сбежала, беззвучно закрыв дверь. Оставлять чужого в доме было неразумно, но брать у нее все равно нечего. Да и не зная русского, далеко не убежать. Все-таки не Москва.

Грег проснулся в незнакомом месте. Свет из окна был странный – холодный и белесый, как будто все вокруг запылилось и потеряло яркость. На потолке висела люстра в пять лампочек, но вкручена была только одна. Он потянулся и вспомнил, что вчера его били.

Грег подошел к зеркалу с наклейками турбо на пластиковой раме, осмотрел синяки и поморщился. Из кожи кое-где торчали занозы – так бывало, когда он превращался слишком резко.

Он обошел комнату, в которой было совсем мало вещей: раскладной диван, письменный стол и два шкафа с книгами. А еще странные стеклянные ящики, заглядывать в которые

было неприятно.

Грег открыл шкаф и провел рукой по книгам. Они стояли в два, а кое-где и в три ряда. Книги во втором шкафу были на английском. Он взял одну и заметил, что полка сломана. Не задумываясь поднес руку, и дерево под лаком начало срывать. Раньше такие фокусы сами по себе не получались.

Что-то в стеклянном ящике засветилось.

Маша зашла домой, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В квартире было тихо и темно. Она несколько минут постояла так в темноте и только потом вспомнила про человека у нее дома.

Маша ругнулась и, не разуваясь, бросилась проверять своих питомцев. Все были на месте. Человек тоже был. Спал рядом на диване.

Маша сняла дубленку, отряхнула снег с меха и пошла на кухню. Она пила чай и проверяла тетрадки с домашними заданиями. От тетрадок пахло школой. Пахло переменами, которые приводили Машу в ужас. Но Маша была терпеливой. Она знала, что нужно всего лишь немного подождать.

Через несколько часов Грег тоже вышел на кухню и аккуратно сел напротив.

– Привет.

– Это че за фигня на тебе? – Маша подняла глаза. – Ты гей, что ли?

– Почему?

– Ну, одежда такая разноцветная, облегающая, как цирковая.

– Это так, рабочее, – отмахнулся Грег. – Остальное в крови.

Маша поставила чугунную сковородку на плиту и вывалила туда слипшийся комок макарон. Он влажно плюхнулся и зашкворчал.

– Телефон на столе. Тебе, наверное, позвонить надо?

– Надо. Только я номеров не помню.

– Классно.

– Маша, можно я еще переночую, а завтра уже в полицию пойду?

– Ага. – Маша убавила газ. – Тебя там как раз ждут. – Она разбила яйцо в макароны. – Ты отлежись пока, завтра вечером вместе ходим. У тебя здесь есть кто-то? Зачем приехал?

– Сибирь посмотреть.

– Ну и как, понравилось? – серьезно спросила Маша, а потом вдруг начала смеяться.

И Грег тоже начал смеяться.

Грег сидел на холодной скамейке и ждал. Маша разговаривала в кабинете.

– Маш, ты это, присмотри за пендосом, а? – сказал капитан полиции. – Я тебя очень прошу. Его снова отмудохают, а мне потом разгребай.

– Ладно, – кивнула Маша, – но с тебя должок.

– Не заржавеет, ты же знаешь. Все медэксперты твои.

Маша вышла, скептически осмотрела Грегa.

– Тебе б шмоток купить. Завтра после репетиторства сходим.

Они возвращались домой молча. Грег пытался начать разговор, но его собственный голос казался неуместным на этих серых улицах. Казалось, что даже ночь здесь была какой-то серой.

Грег снова подумал про Кларка: «Если бы он оказался здесь, то уже спасал, руководил и давал интервью». Но спастись Грегу почему-то совсем не хотелось – еще не зажили синяки.

В субботу Маша, как обычно, рано встала, покормила Олега и Егора, проверила температуру у Лены и открыла ящик с Машенькой. Забрала что-то в спичечном коробке.

– Ты куда? – спросил Грег.

– У меня сегодня репетиторство. Спи.

И он быстро заснул, потому что разницу часовых поясов не могут преодолеть даже супергерои.

По дороге домой Маша зашла в магазин. Рядом с крыльцом, как всегда, пили.

– Привет. – Маша поздоровалась со всеми и ни с кем. – Слышали, наверное, тут недавно мужика избили, вещи взяли. Не в курсе, может, кто продает? Хорошие должны быть.

– Было дело. Но это какие-то залетные кенты, не наши. Они его ножом порезали. Прямо как колбасу.

Кто-то засмеялся.

– Это точно?

– Да, Мария Сергеевна, – сказал старший, – я с ними в одном автобусе ехал. Слышал разговор.

– Поняла, – ответила Маша, хотя еще не очень поняла. – Спасибо.

Маша вернулась домой, быстро поела и повела Грегa на оптовку.

– Стой здесь, сейчас узнаю, работает ли Алик.

Она быстро ушла сквозь ряды шапок, штанов, лифчиков и кроссовок.

К Грегу подошли.

Маша вернулась через десять минут и снова выругалась, только на этот раз не коротко. Вернула Грегу шапку и прогнала цыган.

– Господи, как вы там живете?

Она повела его в дальний контейнер. Внутри сидел толстый бородатый Алик с рогатой палкой.

– У меня на него вот такие брючки есть, смотри. Хорошие, я тестю брал.

– Джинсы ему дай, ему джинсы нужны. И свитер.

Алик достал джинсы.

– Меряй, – сказала Маша.

– Где?

– Вон там, за шторкой.

– Маша, холодно же.

– Нормально.

Грег встал на картон и надел ледяные джинсы. Из темноты контейнера на него смотрели грустные голые манекены.

– Дикий он у тебя какой-то, – сказал Алик.

– Какой есть.

Маша расплатилась и взяла пакет.

– Спасибо, Алик.

– Хорошая ты баба, Мария, – сказал Алик. – Мужика бы тебе нормального.

– Ага.

На следующий день Маша снова ушла рано. Грег встал, еще раз осмотрел стеклянные ящики, постучал по одному пальцем и вернулся к книгам. Комиксов почему-то не нашлось. Это было странно, хотя и не так странно, как ящики.

Грег не знал, чем заняться, и начал разглядывать двор. Смотреть было особенно не на что – снег, несколько старых машин и голые деревья.

Деревья были обычные, серые, но как будто теплые. И чем больше он смотрел, тем больше усиливалось ощущение непонятной связи. Как будто деревья были его затекшими конечностями, которые вот-вот обретут чувствительность.

...За Машей кто-то шел. Она почувствовала это у самого магазина, но не стала дергаться, просто поудобнее перехватила пакет с картошкой.

Во дворе было темно и пусто. Ее окликнули по имени.

Она сделала вид, что не услышала, и пошла дальше.

– Убийца! – крикнули ей.

Маша остановилась.

– Маша! – позвали ее с другой стороны двора.

Она подошла ближе.

– Ты-то что здесь делаешь?

– Увидел в окно и вышел встретить, – пожал плечами Грег. – Здесь у вас беспокойно.

– Меня встретить? – Маша решила, что из-за акцента не так поняла.

– Ну да.

– Странно это, непривычно как-то. – Маша осмотрела двор, но кроме них там никого не было.

– Мне показалось, тебя кто-то позвал.

– Это не меня, ошиблись.

Маша ждала, пока закипит вода дляпельменей. Потом достала лавровый лист и бросила в воду. Почему-то захотелось сделать хоть немного вкуснее.

Она села на табуретку, которая не шаталась, как раньше. Какое-то время ели в тишине.

– Ты работаешь все выходные?

– Ага.

– Зачем? Из-за денег?

– Уж точно не по призванию.

– Почему не уедешь отсюда?

– У меня здесь дела, – быстро ответила Маша. – Хочешь чай?

– Я правильно понял, что здесь в любых непонятных ситуациях люди пьют чай?

– Чаще водку. Но и чай тоже.

– Маша, я все спросить хотел... – Грег начал подбирать слова.

– Про ящики?

– Ну да. Это то, что я подумал?

– Ага, плесень.

– Для какого-то исследования?

– Нет. – Маша отпила чай, поморщилась и полезла в шкаф. – Это мои питомцы. – Она поставила на стол бутылку портвейна.

– Но зачем?

– Олег случайно вырос, когда я в больницу попала. Потом дома лежала и поговорить не с кем. Ну а он ведь, по сути, живой.

Маша выплеснула чай из чашек и налила портвейн. Сделала три глотка и закашлялась. Грег молчал.

– Я и не думала, что поймешь. Да и плевать. Ты же через пару дней свалишь.

Стало так тихо, что слышались ватные голоса соседей из-за стенки.

– А я супергерой-неудачник, – сказал Грег и выпил всю чашку залпом.

– Ну я примерно так и подумала.

Когда они разлили по третьему кругу, Грег сказал:

– Слушай, а познакомь меня с ними.

...Маша и Грег стояли напротив стеклянных ящиков с плесенью. Маша глотнула из бутылки и передала ее Грегу.

– Это Олег. – Она показала на первый ящик. – Он обычный, продуктовый. Любит разную органику и почти не цветет. Зато смотри, какой пушистый и яркий.

Грег глотнул из бутылки.

– Это Петр, он керосиновый, любит горюче-смазочные материалы. А этот, белый, – Егор, он пенициллиновый. Видишь, у него черные споры? – Маша погладила стекло и перешла к следующему ящику. – Леночка у меня синяя, она любит дерево. Представляешь, объедает до трухи.

Грег сделал шаг назад.

– А это Машенька, – с гордостью сказала Маша. – Она черная и очень опасная.

– Приятно познакомиться, – заключил Грег и попытался поцеловать Машу.

Она не ответила на поцелуй.

– Я тебе не нравлюсь. Остынь, супермен, – тихо сказала она. – Это все портвейн.

– Никогда не называй меня так, – зло сказал Грег.

Лена за стеклом слабо засветилась.

...В воскресенье Маша проснулась позже обычного, поэтому собиралась очень быстро. Погладила ящики с плесе-

нюю и снова ушла.

Грег не спал и все слышал. Он встал, долго пил чай на кухне и смотрел на деревья. Потом пошел за книгой, невольно косясь на ящик с Леной. Случайно задел старые журналы, и они сложились, как домино. За ними стоял школьный альбом.

Грег взял его в руки и улыбнулся несчастной маленькой Маше. Перевернул страницу и поморщился – почти все фотографии других детей были перечеркнуты. Остались только Маша и еще двое.

Прошла неделя.

Маша целыми днями была на работе. Грег читал и все чаще сидел напротив Лены. Пытался понять, чем она его так привлекает и почему так хочется открыть крышку.

Он никогда не думал ни о разрушении, ни тем более о саморазрушении, но внезапно мысли об этом стали навязчивее. А еще он все лучше чувствовал деревья и даже пытался ими управлять. Пока учился, разбил веткой стекло в соседнем доме. И всего на секунду, но почувствовал что-то странное – ему понравилось разрушать. Это как будто придавало сил.

В субботу Маша встала, как всегда, рано и тихо собралась. Заглянула к Машеньке. Убрала спичечный коробок в карман.

Грег ждал ее на кухне.

– Поговорим?

Она села напротив.

– Ты зачем туда идешь?

– Это частные уроки.

– Зачем?

– За это хоть что-то платят.

– А Машенька тебе зачем?

Маша качнулась на табуретке.

– Я опаздываю.

– Там ведь дети. Я не знаю, как тебя обидели, но дети этих людей ни в чем не виноваты.

– Обидели? – Маша резко качнулась вперед. – Да я семь лет не хотела жить. Медленно с ума сходила. А теперь хочу видеть, как они медленно подышают.

– Но зачем убивать всех?

– Не лезь в мои дела, – оборвала Маша. – Я же не лезу в твои, супермен. Не спрашиваю про историю с ножом.

– Я же говорил, я супергерой. У меня суперсила.

Маша как будто впервые его услышала.

– Не все, у кого есть суперсила, автоматически становятся супергероями.

Она ушла, а Грег поймал себя на странной мысли, что теперь Маша нравится ему по-настоящему. Не из-за портвейна.

Грег подошел к стеклянному ящику, открыл его и коснулся Лены. По телу пробежала приятная дрожь.

Стемнело, началась метель. Маша шла, почти не поднимая глаза. Сзади окликнули. Она снова сделала вид, что не слышит.

Грохнул выстрел.

– Этот предупредительный. Следующий – в голову. Я умею стрелять, – уверили ее.

Маша обернулась. К ней подошел высокий парень в военной форме.

– Я знаю, это ты моего батю убила.

– Это невозможно доказать, – спокойно сказала Маша.

– А тут и доказывать нечего – весь ваш класс уже на том свете. И все из-за плесени.

– В медэкспертизе другое.

Он приставил пистолет к третьей пуговице снизу, прямо к животу.

– Сдохни, мразь, – сказал он.

Ветка ближайшего дерева дернулась, изогнулась и стала расти. Выбила пистолет из рук.

– Че за херня? – Парень отмахнулся от дерева и тут же получил по лицу другой веткой. Стало сложно дышать.

– А это меня встречают, – ответила Маша.

...Грег поднял пистолет и подошел к Маше.

– Знаешь, какая самая главная удача в карьере супергероя?

– Суперсила? – Маша посмотрела на дерево.

– Почти. – Грег повернул дуло в ее сторону. – Самая главная удача – встретить настоящего суперзлодея. Кого-то вроде Джокера.

– Я и близко не Джокер, – улыbnулась Маша.

– Это как посмотреть. Меня ты пугаешь гораздо больше.

– Ну и что, убьешь теперь? Будешь супер-пупер героем, спасающим мир?

– Не знаю, еще не решил.

– Так решай скорее. Холодно.

Грег подумал немного. Ветки затянулись на шее.

* * *

– Ну как ваши дела после поездки? Я слышал, Россия негативно влияет на психику.

– Хорошо, доктор, мои дела очень хорошо. – Грег развалился на кушетке. – Так хорошо, что я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

– Тур силы действительно на вас повлиял. Вы стали раскованнее и даже увереннее в себе. – Доктор поправил очки. – Или это смерть Кларка произвела на вас такое впечатление?

– Тур силы... – Грег засмеялся. – Доктор, это так смешно.

– Так что же произошло?

– Да много всякого. Но самое забавное, что я все-таки нашел свою силу. Мне понравилось разрушать, доктор. Убивать, понимаете?

– В каком смысле?

– В смысле лишать жизни. Я вам сейчас покажу.

...Маша ждала его у входа, ела мороженое и шурилась на солнце. Грег вышел, надел очки и улыбнулся ей.

– Ну, куда поедет теперь?

– Раз ты поздоровался со всеми своими друзьями, то почему бы не съездить в Вегас? Думаю, Машеньке понравятся местные отели.

«Маленький домашний писатель»

Дарина Стрельченко

Эссе

У моего мужа, помимо основной профессии, есть вторая, тяжелая и круглосуточная работа: быть мужем писательницы.

Когда мы только познакомились, он восхищался тем, что, в отличие от рядового гражданина, я не только потребляю, но и создаю контент. Когда наше знакомство переросло в дружбу, он стал с удовольствием помогать придумывать сюжеты и даже сочинял вместе со мной. К тому времени, как мы поженились, он во всей красе вкусил, каково это – быть с человеком, чьи писательские загоны без передышки чередуются с писательскими амбициями. Но позади два с половиной года брака, и за это время муж научился справляться с самыми разными ситуациями, в которые попадает начинающий писатель. У нас появился свод правил, который мы называли руководством по уходу за маленьким домашним писателем. Ниже опишу основные положения, которые, как мне кажется, могут помочь и другим начинающим авторам.

1. Если ваш маленький домашний писатель хандрит...

Напомните ему, что жизнь – это синусоида, и от момен-

тов, когда хочется лениться и прокрастинировать, никуда не деться. Их остается только пережить. Еще можно попробовать их укротить – например, с помощью сладкого чая и чего-нибудь вкусного. Обычно это бодрит.

2. Если ваш маленький домашний писатель злобно ворчит, что у него ничего не получается...

Напомните ему, что, скорее всего, это только видимость. Нужно переждать мрачное настроение и перечитать написанное. Вполне возможно, что текст окажется куда лучше, чем казалось. Важно отдыхать от текста, чтобы хоть как-то ослаблять субъективное восприятие того, что ты написал.

3. Если ваш маленький домашний писатель ноет о том, что всех издают, а его – нет...

Напомните ему, что и у него есть успехи. Старайтесь сохранять его успехи в памяти или в блокноте, чтобы вовремя напоминать. Не уставайте напоминать о важности даже маленьких шагов. Говорите о том, что те, кого издают, возможно, просто занимаются писательством дольше, чем он.

4. Если ваш маленький домашний писатель максимально вдохновлен и строчит в состоянии потока...

Не мешайте ему. Не отвлекайте, помня, что это одно из самых крутых ощущений, которые может испытывать ваш питомец. Вы можете принести ему чаю или кофе, проветрить

в комнате и терпеливо подождать, пока режим потока завершится.

5. Если ваш маленький домашний писатель мечется с криками «Завтра дедлайн конкурса! Я ничего не написал!...»

Поймайте его, успокойте, усадите за стол и попросите объяснить, насколько важен конкурс. Если не важен – убедите писателя не писать. Если важен – в ваших силах вытянуть из него фабулу будущей истории и детали сюжета. В процессе рассказа писатель, скорее всего, успокоится, поймает волну и начнет писать.

6. Если ваш маленький домашний писатель снова и снова просит вас перечитать очередные правки в написанном рассказе (а вы сделали это уже раз десять...)

Перечитайте. У вас нет выбора. Для него ваш кивок и уверенное «Вот так лучше» – огромное подспорье.

7. Если ваш маленький домашний писатель страдает от того, что не может придумать сюжет...

Откройте свой блокнот, куда вы записывали все, что он говорил по этому поводу: все наброски сюжетов, задумки и идеи. Перечислите их писателю, и вполне возможно, что вы увидите, как на одном из вариантов зажгутся его глаза.

8. Если ваш маленький домашний писатель начал расска-

зывать вам сюжет будущего рассказа, но застеснялся...

Не торопите его, не настаивайте, но мягко намекните, что так было уже сто раз и всякий раз пересказ сюжета вслух помогал сделать будущую историю лучше. Не смейтесь над своим питомцем, даже если он городит сущую чушь: помните, это – творческий процесс, из которого может родиться жемчужина.

Я бы соврала, если бы сказала, что все это шутки. Это ни разу не шутки, и все уменьшительно-ласкательные милые словечки и уютные декорации с кофе и пледом – только попытка скрыть голые стены, тоску и скрежет зубов от периодического бессилия. Оно накатывает с завидным постоянством, но за время осознанных занятий писательством – около трех лет – я уяснила некоторые вещи, которые помогают с этим бороться. Итак, о них.

Что должен черновик

Я часто чувствую себя бессильной перед новым текстом. У меня никогда не было страха чистого листа, но уже давно есть другой: страх, что все лучшее мной уже написано, что впереди не будет ничего стоящего. На каждой истории бывает момент, когда я вслух говорю: это говно. Это полная ерунда.

Самое главное в такой момент – не бросить. Это как мертвая точка на лыжне: нужно преодолеть ее, а потом откроется

второе дыхание. Важно дойти до финиша каждой истории во что бы то ни стало. И те истории, которые идут хуже всего, которые упрямятся, отлынивают до самого дедлайна или пишутся на упадке моральных сил, – вот такие-то истории учат лучше всего. Потом, оглядываясь на них, думаешь: если я справился в такой ситуации, то уж теперь справлюсь точно.

Важно повторять себе: я уже столько раз это проходил – пройду и еще раз. Главное – сделать рыбу истории, сделать что-то, с чем можно работать дальше. Главное, что должен автору черновик, – быть.

От архитектора до садовника

Писатель-садовник – тот, кто бросает в почву истории семена идеи и смотрит, что из этого прорастет. Писатель-архитектор – тот, кто досконально продумывает сюжет истории, расписывает характеры и изменения персонажей. Движение от садовника к архитектору – стандартное движение для автора. Мне кажется, я примерно на середине, и это комфортная позиция – правда, бывает, что я ухожу в крайность, и это выходит боком. Если прописываю план слишком подробно – писать становится скучно. Если пускаюсь во все тяжкие без всякого плана – мысль расплывается по древу, откуда-то отрастают побочные линии, не двигающие сюжет, и я попадаю в свою основную ошибку: красивая картинка без сюжета.

Для себя я вывела следующую формулу: когда текст нужно написать в срок и нужного объема – я делаю план. Если

это повесть или роман – по главам, если рассказ – набросок в полстраницы, где описываю основные события, которые случаются по ходу сюжета.

Когда конкретного срока и объема нет, я продумываю крупные мазки: начало, середину и конец. А в пространстве между ним позволяю своему маленькому домашнему писателю как следует порезвиться.

Учиться, злиться, балансировать

Некоторое время я училась очень много: литературные курсы, статьи мэтров, очень много практики, обратная связь на конкурсах с самосудом, учебные зарисовки и снова курсы, домашки, вебинары, конспекты, правки...

В какой-то момент я поняла, что похожа на мешок, набитый литературными правилами и алгоритмами. И начала писать по алгоритмам, попробовав выстроить свою формулу идеального рассказа. То, что получалось, было прекрасно с моей точки зрения и совершенно пресно с точки зрения читателей. В первый раз я списала это на неудачу, во второй – на субъективность. В третий раз списывать было не на что, и я решила, что училась зря и загадила этой учебой весь свой талант. Пиша дальше, я не опиралась ни на что из изученного, вернулась к состоянию садовника и поняла, что мои истории стали куда живее. Но в них не хватало стержня, сюжета, логики. Я боялась снова браться за продумывания и схемы, но постепенно в голове все же наступил баланс. Я не приме-

няя ничего из изученного нарочно, но когда оно просится само – я разрешаю ему войти.

Все эти схемы, алгоритмы и советы имеют накопительный эффект. Они нарастают на тебя, как грибы, травы и светлячки на стенки шалаша. Что-то красит и укрепляет, что-то оказывается лишней тяжестью и трухой. Что-то смывает дождем. Но шалаш по-прежнему остается шалашом и постепенно становится уверенней, толще, все крепче врастает в землю, скидывая ненужное.

Не нужно стремиться применить разом все. Не нужно отrekаться от теории вовсе. Я позволяю своему маленькому домашнему писателю брать управление в свои руки и для каждой конкретной истории выбирать: хочу я составить план или буду писать экспромтом? Мне нужна неделя на обдумывание и вынашивание идеи или я напишу все нахрапом, прямо сейчас? Я хочу изучить матчасть, посмотреть видео о той эпохе или процессе, прочесть соответствующую литературу – или я изобрету совершенно новый мир, и мне плевать на все условности?

Мой милый домашний писатель знает об этом куда лучше. Его интуиция неидеальна, но куда тоньше моей. Он сможет, я знаю.

Моя первая книга

Когда на полках магазинов появилась моя первая книга (изданная к тому же не абы где, а в «Эксмо»), я надела коро-

ну и розовые очки. Мне казалось, что там, где я ступаю, на асфальте искрят самоцветные камешки – как у Серебряного копытца. Мне казалось, что теперь каждый русскоязычный читатель – да что там, каждый встречный! – знает, кто я такая, и улыбается мне, восхищаясь.

Это прошло довольно быстро – недели за две. А потом я столкнулась с тем, что свою книжку нужно продвигать. Никто не будет говорить о ней, если ты не будешь говорить. Никто не будет любить ее, если ты не будешь любить.

А я перестала – в какой-то момент. В какой-то момент я принялась ее ненавидеть – за чрезмерные описания, за пере-скакивание с героя на героя, за мудреный язык... За все, о чем писали в плохих отзывах. При этом я почти не осознавала, что писали в хороших, почти не слышала ни просто добрых, ни искренне восторженных слов. Зато по ночам просыпалась в ужасе, смотрела на стопку книг – авторских экземпляров – на столе и думала, что это ошибка. Роковая ошибка, которая закроет мне двери в издание. Книга, на которую не должно было быть потрачено ни сил, ни бумаги, ни денег.

Но и это прошло. Я снова полюбила свою историю. Однако те несколько месяцев, в которые я с головой ударились в продвижение, были гонкой, жадой, блужданием в темноте. Пока все это происходило на фоне нелюбви к книге, я казалась себе торговцем, продающим скверный товар.

Утешаю себя тем, что подобную стадию прошла не я одна. Утешаю себя тем, что это состояние позади, и когда выйдет

моя следующая книга, я уже буду знать, чего ждать, и смогу к этому подготовиться.

Писатель – не только писатель

Нельзя переоценить опыт, который я получила с моей первой изданной книгой – «Земли семи имен». Я осознала и приняла, что писатель сегодня – это человек-оркестр. Продвигая книжку, рассказывая о ней, ты то и дело переступаешь через себя. Организовать встречу? Договориться с площадкой? Написать книжному блогеру? Ответить на отзыв читателю? Обратиться в библиотеку или книжный магазин с вопросом о презентации? Выступить со своей книгой на встрече литературного клуба?

Прошло меньше года с момента выхода книги – и все это кажется мне если не легкой прогулкой, но, по крайней мере, уже не тем походом к Ородруину, что прежде. Ко всему привыкаешь, ко всему начинаешь относиться спокойнее, и то, что так пугало, превращается в рутину.

Когда книжка только вышла, я хотела разослать ее нескольким книжным блогерам, чтобы получить рецензии. Для этого мне нужны были бумажные экземпляры, а авторские – те, что бесплатно присылает издательство, – еще не приехали. И я пошла по книжным магазинам. Села на метро и поехала по фиолетовой ветке, выходя на тех станциях, где есть «Читай-город», и скупая свои книжки.

Всего я купила их шесть. В первый магазин заходила, по-

что слыша, как колотится сердце. Я боялась, что сбудется мой страх увидеть свою книгу в углу на нижней полке. На полке с фэнтези, где я планировала обнаружить «Земли» исходя из жанра и соседей по серии, книги не было. И страх стал еще крепче; на миг я поверила, что вообще придумала все это, и книжка не вышла. Но спустя несколько минут я нашла «Земли» на второй снизу полке в разделе «Российская проза». Книга стояла корешком к покупателю – а это значит, что заметил бы ее только тот, кто целенаправленно искал. Насколько я знаю, ставить книжку лицом (как и выставлять у кассы или на заметных выкладках) стоит денег – за это могут заплатить как издательство, так и автор, но до подробностей я пока не доходила.

Я взяла «Земли» украдкой, прижала к себе и побежала на кассу. Протянула карту, чтобы расплатиться, – и испугалась: ведь на карте есть мое имя! Вдруг продавец поймет, что я покупаю свою собственную книжку? Вдруг кто-то из покупателей это поймет? Мне казалось, что моя фамилия крупными буквами написана у меня на лбу. Я была уверена, что, если кто-то узнает, что за книгу я беру, меня заклеят позором до конца жизни.

Тем не менее потолок не рухнул, и небо устояло, я купила книжку и вышла на улицу, села в метро и поехала в следующий книжный. Там повторилось примерно то же самое, разве что я волновалась чуть меньше и даже спросила у продавца, есть ли в магазине второй экземпляр. Его не оказалось.

В четвертый магазин я входила уже вполне уверенно, готовая, если понадобится, ответить на вопрос, зачем я, автор, покупаю свою книгу. Начала работать магия бумажного издания: держа в руках аж четыре штуки, я поверила в существование Своей Книги и почувствовала себя всесильной.

В шестом магазине я с порога прошла к полке с российской прозой, широко раскинула руки и почти вслух произнесла:

– Ну, здравствуй, моя хорошая!

Так я познакомилась со своей воплощенной мечтой, своей изданной книгой, своим первым бумажным детищем.

Перечитай свой текст

Для меня это очень сложно. Ненавижу перечитывать девяносто процентов своих текстов. Скрипят зубы, хочется вымарать и отречься, как писал про «Анну Каренину» Лев Толстой. Среди сотни рассказов у меня есть всего два-три, которые я перечитываю спокойно. Более-менее с удовольствием я перечитываю свои фанфики, но фанфики – территория, где ты неосознанно снимаешь с себя часть ответственности, так что в этом нет ничего особо удивительного.

Свою бумажную книгу я не могу перечитать до сих пор – даже ради того, чтобы продолжить писать вторую часть. Свою историю, готовящуюся к изданию, в рамках редакции я перечитала шесть раз. Я знаю ее почти наизусть и вылизала

текст до такой степени, что сейчас он кажется мне хорошим; посмотрим, что будет, когда я возьму в руки напечатанную книгу.

Но перечитывать тексты надо – чтобы видеть прогресс. Это полезно, это вселяет силы. Еще перечитывать нужно, когда редактируешь, – допустим, сюжет хорош, а слог слабоват, хочется стряхнуть пыль и поправить. В этом случае я сжимаю зубы, убираю все отвлекающее и быстро и сухо читаю, как если бы это был не мой текст, а текст другого автора, который принес его мне на рецензию или редактуру.

Зависть

Зависть – грозный козырный мотиватор, который заставляет писать быстрее, думать активнее, впитывать внимательнее. Это мой моторчик на скверном, но очень эффективном топливе, моторчик, который не раз помогал мне влететь в последний вагон.

И тем не менее я была бы рада от него отказаться. Очень рада. Однажды я поняла, что буду завидовать всегда – потому что всегда будет тот, кто тебя круче. Для того чтобы прийти к этому, мне понадобилось около пяти лет. В какой-то мере это понимание все же снижает градус зависти, и это круто.

Раньше я не могла ходить по книжным магазинам – до тех пор, пока не заключила контракт на свою первую книгу. Внутри поднималось чувство вроде настойчивой щекотки: физическое выражение зависти? И мне хотелось поско-

рей уйти из этого яркого бумажного царства успешных и изданных.

То же касается книжных ярмарок и подобных мероприятий – видя чужой успех, я падаю духом, чувствую себя бесильной, недооцененной, раздавленной.

Долгое время (порой и сейчас) я не могла читать паблики других писателей. Кажется, что и читателей у них больше, и активности, и перспективы круче, и пишут они лучше, и дается им все куда легче.

Конечно, такое впечатление может быть правдой; но чем дольше я варюсь в этом супе, тем лучше понимаю, что ты видишь только свою собственную изнанку с унынием, кризисами, неудачами, отказами, проигрышами и редкими вспышками успехов. Дело в том, что у любого другого писателя тоже есть своя изнанка. И любой чужой успех в общих чертах оплачен той же монетой.

Понять это – первый шаг к душевному спокойствию. Увы, одного его недостаточно; второй шаг – помнить и верить в это в моменты уныния. Вот этому я пока не научилась.

Но, в конце концов, уверена: и Джоан Роулинг кому-то завидует.

Заряд воображения и лифты

Моя книга, которая сейчас готовится к печати, называется «Заряд воображения». Я написала ее первый вариант довольно давно, во время литературных курсов – книга вырос-

ла из домашек. Преподаватели хвалили отрывки, и я была уверена, что стоит дописать, как издатель найдется сам. В своей уверенности я дошла до того, что отправила законченную рукопись в редакцию Елены Шубиной – ту, где издаются самые маститые современные русскоязычные авторы, где печатают победителей самых престижных литературных премий.

Я была уверена, что моя история достойна стоять с ними на одной полке. Я расстраивалась и злилась, когда прошло полгода, а ответа от редакции так и не пришло.

Два года спустя я перечитала «Заряд». Я так смеялась над собой; почти до слез. Над своей наивностью, над тем, какой невероятной считала эту историю. Да, она действительно хороша – но явно не тянет на литпремии хотя бы в силу возраста и опыта написавшего ее автора.

Бывает, что взлетаешь на удачно подвернувшемся лифте к вершинам. Оказываешься там, среди небожителей, – но не обладаешь нужным опытом. Долго ли так протянешь? Есть путь, который нужно пройти, чтобы понять самому, чего стоят твои тексты. Опыт, практика, синяки – вещи, которые не приобрести никак, кроме как со временем.

Литературные золушки

Но бывают чудеса. Бывают литературные золушки, которые просыпаются знаменитыми без всяких вводных – написав одну-единственную книгу. И с первой же попытки влета-

ют в высший эшелон: отзывы, доптиражи, восторги, косплеи, толпы читателей... Потом звезды могут продолжить складываться и дальше, а могут перемениться. И если переменятся – автору будет больно, потому что у него нет опыта битья головой о лед, он не прошел путь терпения, писем и отказов. И хочется снова этого восторга и успеха, но опыта нет, и вторая рукопись не получается так же здорово, как первая, ее не берут, и что-то не складывается, и...

И как в кафе: сначала съел, а только потом платишь. Если бы у меня была возможность выбирать, я бы выбрала путь терпения. Заплатить за все сначала и наслаждаться потом.

Зачем я?

Я часто задаюсь вопросом: зачем я миру? Зачем миру мое творчество? Да, писать у меня получается лучше всего; да, это в целом получается у меня неплохо. Но зачем это миру?

Уж если быть – то быть первым, а если не первым – то как минимум крутым и важным для миллионов, бормочет кто-то внутри меня. Возможно, это тот самый маленький домашний писатель: высокомерное, амбициозное, зубастое и зачастую грустное и неадекватное существо.

Но это неправда. Хочешь сделать весь мир счастливым – иди домой и делай счастливой свою семью. Хочешь сделать так, чтобы твои тексты перевернули весь мир – иди в свой паблик и делай счастливыми двух, пятерых или, если повезет, десятерых своих активных читателей, для которых твой

текст действительно может стать чем-то хорошим.

Чтобы оправдать свое существование, достаточно быть нужным даже кому-то одному. Ведь этот кто-то – часть мира.

Анна Каренина

Однажды я стояла на перепутье. Я не знала, что выбрать, а выбор был очень серьезен и фактически определял дальнейшую жизнь. Я чувствовала себя растерянной, подавленной, неспособной решиться. В этом состоянии я убежала из Москвы, спряталась у себя дома и наугад вытащила из шкафа книгу. Ею оказалась «Анна Каренина», которую я никогда не читала прежде. Я открыла «Анну» и на первой же странице прочла ответ на свой вопрос. Это не было книжным гаданием, ничего подобного; это просто была ситуация, которая наглядно показала мне, что случится, если я выберу тот или иной вариант.

Лев Толстой жил задолго до меня. Он и знать обо мне не знал. Но он дотянулся до меня через полтора века и помог сделать правильный выбор. Моя мечта – чтобы когда-нибудь такое произошло и с моим текстом. Чтобы мой текст стал для кого-то ответом.

В заключение

Не опускай руки.

Сегодняшняя тоска переродится в завтрашний подъем.

Чем отвесней пике – тем мощней потом будет вдохнове-

ние.

Если ты чувствуешь, что хочешь писать прямо сейчас, что просится, чешется, рвется, – пиши не откладывая, где бы ты ни был. Это состояние – самое крутое и плодотворное, это то, что потом будешь вспоминать и перечитывать.

Не забывай отдыхать.

В моменты, которые кажутся застоем, ты впитываешь красоту и вдохновение окружающего – чтобы тогда, когда снова захочешь творить, иметь силы раздуть искру в пламя. Такие моменты необходимы.

Готовься бежать длинную дистанцию.

Читай больше – разных эпох и авторов, но обязательно качественного.

На первом уроке химии учительница сказала: кто-то берет химию головой, кто-то – попой. Мне кажется, в литературе так же: из признанных каждый – либо гений, либо трудяга. Гений мне точно не светит. Но я уверена, что крепкая попа победит.

На стене над моим столом маркером по старым обоям написана цитата из песни «Радуйся» группы «Моя дорогая»:

– А вдруг игра не стоит свеч?

– Да конечно стоит.

Не опускай руки.

«Оруженосец Стальной Звезды»

Дарина Стрельченко

Рассказ

*Огромная благодарность за помощь в работе
над рассказом Павлу Стрельченко и Юлии Думлер*

Это была самая тяжелая, самая позорная работа – тащить котел. Если бы Стелла не уехала, с котлом возился бы кто-то из козявок. Но староста сорвалась на сборы прямо перед походом, и козявки единодушно проголосовали за то, чтобы котловым стал он. Он, конечно, тут же написал Стелле: беспредел, они меня заставили быть котельщиком! Но она не ответила, даже не прочитала. Богине некогда следить за классом из такой дали.

Он плюнул в пыльный, не отмытый с прошлого похода котел, поддал по нему ногой и взвыл: тяжелой чугунной дуре хоть бы что, а у него пальцы онемели от боли. При мысли, что придется всю неделю таскать котел за спиной, драить и следить за варевом, захотелось слиться. Если Стелле можно – почему нельзя ему? Она наверняка подгадала со сборами, знала заранее, просто не говорила. Помнит, наверно, прошлое лето: комарье, духоту в лесу, подгоревшую кашу...

Козявки еще нахлебаются, мстительно подумал он, зата-

гивая вокруг котла лямки и примериваясь, как взвалить его за плечо. А Стелла пусть развлекается там, в пятизвездочном отеле для вундеркиндов, пусть ставит свои химические опыты.

* * *

В отсутствие старосты козявки стремительно нагнали. Сначала косо поглядывали: ну, как ты без мамочки? Потом кто-то швырнул в затылок шишкой. Конечно, было за что; но это он знал, что было. А они должны были молча маршировать, тащить барахло, разжигать костер на привале, помогать ему ставить котел. Никто не помогал. К вечеру они совсем озверели: подняли мордашки, захихикали, затанули песню — не их походный гимн, сочиненный Стеллой, а какую-то лабуду.

К ночному привалу он натер пятку и подвернул ногу, шею разнесло от укусов мошкары. Доплетаясь до намеченной поляны, хотел только одного — лечь, хоть в сосновые иголки, хоть в болото, и лишь бы отстали. Но козявка-костровой уже пищал в ухо: пора ставить котел, пора закладывать кашу!

Он отмахнулся, но одноклассники навалились, принялись дергать, ржать, свистеть стручками акации прямо в уши. Отыгрываются, подумал он. Вяло удивился, как мало продержался его авторитет без Стеллы. А впрочем, был ли авторитет? Верный подавала, вечный секретарь, скромная, наде-

ленная полномочиями луна в тени великолепной Стальной Звезды.

Кое-как установив котел, он наблюдал, как повар заливает воду, кладет крупу и добавляет сгущенку. Его воротило от пшенной каши на сгущенном молоке. Ковыряя ложкой в сладкой склизкой жиже, он с тоской думал о том, как будет отмывать котел.

– Эй, – окликнул он прошлогоднего котлового. – Чем ты котелок оттирал?

Рыжий козявка насторожился, по привычке втянул голову, но быстро вспомнил, что замстаросты ничего не сделает, пока рядом нет Стеллы. Храбро бросил:

– Руками!

– Что-то не больно хорошо руками отмывал.

– Так покажи, как надо, – с вызовом заявил козявка и швырнул в него песком.

Он тяжело поднялся. В висках застучала кровь, темный вечерний воздух заволокло красной пленкой.

– Песком надо чистить, – вклинился другой, довольно миролюбивый козявка. – Слепи из песка пирожки и чисть ими.

Почему они меня ненавидят, размышлял он, взяв ладонями по песку на дне котла. За тот случай с сорванной дискотекой? Но Стелла была права, какая может быть дискотека, когда половина класса больна ветрянкой. Или за ту химию, с которой, не подготовившись, сбежали все? У Стеллки разболелась голова, она ушла домой, и номер прокатил бы, если

бы он один, из страха перед Стеллой, не остался в классе и не доложил обо всем химичке. Или за то, что не пошел подсматривать за директорскими окнами, когда выпал жребий? Еще бы он пошел! Они-то со Стеллой знали, что под окнами осенью зловонная лужа – кажется, что там земля и иней, но на самом деле только тонкий лед...

Жирная каша липла к рукам, зудели комары. В духоте, высоко над елями, мелькали звезды. Если бы Стелла была здесь – спал бы сейчас нормально в поставленной палатке, сытый, чистый...

Он лег за полночь, кое-как ополоснув котелок, закинув его в заросли у ручья.

* * *

Трижды за следующий день его одолевало искушение сбежать. Комары озверели. Плечи сводило, котел отбивал спину. Он пробовал тащить его, как барабан, на груди, но так оказалось еще хуже.

Вечером отгремела гроза. Козьявок и его заодно с ними вымочило до трусов. При Стелле такого никогда не случалось; казалось, она умела приказывать даже погоде. После наспех сготовленного ужина козявки нежились у костра, а он, по локоть облепленный песком, снова оттирал котел. Мозоль на пятке саднила невыносимо, он хотел попросить бинт, но не знал, кто отвечал за аптечку. После взбучки – его отругали

за то, что в каше скрипит песок, – спрашивать не хотелось.
...Все уже спали, когда он закончил. В лесу стояла звенящая тишина, кислотовато и свежо пахло цветами. Между ветками, как вчера, просвечивали звезды. Сквозняк обдувал потное лицо.

* * *

Четверть заканчивалась, впереди маячили каникулы, и класс был на подъеме: кто-то вытаскивал чашки, кто-то составлял парты, кто-то протирал клеенку и ставил чай. Наблюдая, как козьявки разрисовывают доску, Стелла негромко велела:

– Проследи, чтоб все было спокойно. И скажи, чтобы кто-то сбегал за печеньем. В классной копилке как раз осталось.

– А ты? – спросил он беззаботно.

– У меня созвон насчет статьи в «Химии в школе», я посижу в лаборантской.

Стелла скрылась за дверью, а он взобрался на стул – так всегда делала она, когда собиралась объявить что-то, – и крикнул:

– Эй!

Козьявки оглянулись и прекратили копошиться.

– Кто хочет домага? Купить к чаю.

Он знал, что его воспринимают как рупор Стеллы, и что с того? Тем лучше слушаются. Он оглядел класс с высоты

и, подчинившись внезапному вдохновению, чувствуя себя немного Стеллой, велел:

– И еще хлеба, две буханки, и хозяйственного мыла.

Хлеба и мыла просила купить мама; он планировал заглянуть в ларек после школы, но если подвернулась возможность сделать это руками козьявок... за их счет...

Впрочем, они не собирались подчиняться так просто. Они сразу учуяли, что к хлебу и мылу Стелла непричастна, что это его импровизация. Может быть, дрогнул голос, или что-то неуверенное мелькнуло в лице... Они заворчали, заерзали, уже готовы были возразить, когда на гул выглянула Стелла:

– Что за шуршание? А ну тихо, у кого-то еще уроки!

– Артем... – пискнул кто-то.

– Это я Артему сказала, – резко произнесла она. – Чтоб тихо было!

И закрыла дверь.

Хлеба и мыла они принесли; Звезде никто не доложился.

* * *

К середине недели он приноровился, почти перестали болеть руки, будто даже бицепсы накачал. Стелла постоянно пилила: ходи в зал, занимайся. Котел – вот тебе лучший зал!

Козьявки поглядывали уже не испуганно и не нагло – вообще никак не смотрели, словно потеряли к нему всякий ин-

терес. Когда его пропустили, раздавая кашу – потом налили последнему, наскребли остатки со дна котла, – внутри, разъедаая, вскипела злость. Захотелось поставить на место этих Колек, Антонов и Саш: напомнить, кто они, напомнить о Стелле... Он вскочил, не подумав, что на коленях миска, и на штаны пролилось жидкое горячее варево. Поляну сотряс хохот.

...Домывая котел, то и дело зло проводя кулаком по глазам, он спрашивал себя: почему при Стелле его никто и пальцем не трогал, хватало одного взгляда для послушания? Как он раньше не понимал, что козявки преклоняются перед ним, только потому что он – со Стеллой, а с ней попробуй поспорь?

Да понимал, конечно. И ведь сколько раз уже хотел порвать. Но чтобы оторваться от Звезды, нужно было уйти из гимназии. Для этого надо переубедить отца – а с ним попробуй поспорь...

Ему никогда не хватало смелости перечить отцу; может быть, поэтому он так тянулся к бесстрашной и резкой Стелле.

* * *

Все началось с той акции, когда на фасадах администраций принялись рисовать сцены из фольклора. Среди мальчишек появилось идиотское испытание на слабо: испортить

граффити, запенить черным, исчеркать.

Его обещали принять в стаю, если он сделает это.

...Одиночество распластывало, окрики отца сводили с ума. Он день за днем зажимал пальцами уши; стучала кровь, сыпались насмешки, мать запирала его в комнате, чтобы занимался, чтобы смог поступить в гимназию тем августом... В одну из ночей – зной, сладкая вонь петуний, ругань шепотом и бормочущий телевизор за стеной – он вскочил, швырнул на пол потную простынь и бросился в прихожую. Родители так увлеченно гавкались о том, кто потратил заначку, что не услышали, как скрипнула дверь.

Он выскочил, на ходу натягивая кеды; душный воздух ударил в лицо, он со всей силы навалился на дверь, и подъезд наконец выпустил наружу. Он побежал так, что все смазлось, запрыгали трещины в асфальте.

Преграда выросла внезапно. Он едва не полетел кувырком, наткнувшись, как на железную перекладину, на чью-то руку.

– Куда спешишь, Блиц?

Поднял глаза. И понял, что встреча не сулит ничего хорошего.

Уже следующим вечером в плотных сумерках он скользил вдоль фасада администрации, держа в руках тяжелый баллончик. Через дорогу стояла дежурная часть, и у него тряслись поджилки. Он нажал на кнопку – и не выдержал, тут же отвел баллончик от стены. Но черная точка расплылась по

граффити, а взмах руки добавил нечеткий летящий шлейф.

– Слабо? – донеслось из тишины свистящим шепотом. И почти сразу – звонким, возмущенным девчоночьим голоском:

– Ты что делаешь, придурок?!

Что она сама, двенадцатилетка, делала у администрации одна, поздним вечером, с мощным фонарем? Граффити охраняла?

– Кто тут еще? – деловито и бесстрашно спросила девчонка, шаря фонарем вдоль стены. – Пакостники!

Он услышал, как затрещали кусты сирени, как скрипнула металлическая калитка – новые друзья, обещавшие принять в стаю, смывались. Он и сам хотел побежать, но крепкие влажные пальцы вцепились в локоть, крик хлестнул по ушам:

– Куда? Стоять! В полицию!

Дернуло ознобом. Перед глазами полыхнуло разъяренное лицо отца – не дома, в майке и трениках, а там, на службе, в погонах и форме, – и он залепетал несуразицу, оправдываясь, умоляя, упрашивая сжалиться...

В рот затекали слезы, сердце подпрыгивало, как мелкий камешек, локоть онемел и пульсировал в цепких пальцах. Он вырывался, упирался как мог, но девчонка оказалась сильнее него – хилияка, усилиями отца ненавидевшего любой спорт.

Остановившись на границе освещенного круга у крыльца дежурной части, она перехватила его поудобней, развернула

к себе и тихо, угрожающе процедила, прервав поток оправданий:

– Туда – или со мной?

В окне мелькнула фигура в фуражке, задержались жалюзи.

– С тобой! – выпалил он, каменея от ужаса.

– Будешь помогать? – глянув исподлобья, требовательно спросила девчонка.

Он кивнул, загравком уже почти чувствуя тяжелую отцовскую ладонь.

– Будешь слушаться?

– Да!

Дверь распахнулась. На порог выглянул дежурный.

Девчонка рывком утащила его в тень стены.

– Так, – блестя глазами, прошептала она, – меня зовут Стелла. Тебя?

– Ар...ртем.

– Слушай внимательно и запоминай с первого раза, па-
костник...

Так он попал в плен Стальной Звезды.

* * *

Стелла никогда не переступала грань. Всегда чувствовала, когда натянуть поводок, а когда ослабить. День за днем, дело за делом, их опутывала паутина совместных секретов. А в сентябре оказалось, что она тоже поступила в гимназию

– вместе с ним, в пятый «А» с юридическим уклоном, самый престижный в городе. Он сдал тесты средненько, приняли благодаря тому, что нажал отец. Она, конечно, пробилась сама и тут же договорилась с классной, чтобы они сидели за одной партой.

В первый осенний вечер, примостившись на развалинах клумбы в городском саду, Стелла давала новым одноклассникам едкие характеристики, а после, устав, всех скопом окрестила козявками. Так они их и называли.

Почти год все держалось на стыдной тайне с граффити, но потом появился и ее секрет: Стелла забыла ключи, и ему пришлось лезть к ней домой через форточку. Тогда-то он увидел ее мать – шарлатанку-гадалку и пьяницу. Чем выше взлетала Стелла, тем сильнее стеснялась, что живет в доме с колонкой, без отца и с матерью-выпивохой.

Он стал ее компаньоном, секретарем, поверенным. Она – его компанией, и больше ему не нужна была никакая стая, тем более что к старшей школе Стелла выбилась не только в гордость гимназии, но и в молодежный совет.

Грешок с граффити покрылся скорлупой мелких поручений, секретиков, делишек, которые Звезда совершала его руками. Из маленького проступка вырос гигантский мыльный пузырь – в ядре его сияла сверкающая Стелла с командирскими замашками, стальным характером и непримиримым желанием выбиться в люди. А он был простой оболочкой, пустой и хрупкой, пуньк – и лопнет.

Он был с ней всюду: на спортивных состязаниях и в походах, на заседаниях учебных комиссий, выездных сборах и веселых стартах. Они вместе ходили в столовую, носили мусор, списывали друг у друга домашку. Стелла прятала его от отца после схваченных двоек, он ночами рыскал по окраинам и приводил домой ее пьяную мать.

– Дружба – это взаимовыручка, – постоянно повторяла Стелла. Мало-помалу она стала единственной, с кем он общался по-человечески. На остальных он привык смотреть ее глазами – как на мелких служек. Козявок и пакостников.

Он пропустил момент, когда у нее появились знакомые куда старше ее самой, когда она перестала интересоваться его мнением, когда забыла, что он тоже человек. Как-то Стелла велела: сегодня физику сам, я не успеваю, – и убежала, подкрасив ресницы и надев туфли на каблуке.

Он посмотрел в зеркало – голенастый, безлико подстриженный, в старой растянутой футболке – и понял, что время упущено: от Стеллы уже не убежать. Спустя столько лет слишком больно было бы рвать их связь. Это был уже не сверкающий мыльный пузырь, это была надувшаяся мозоль, полная желтоватого гноя.

Стеллу недолюбливали за прямоту и жесткость – но ей подчинялись. Стеллу терпеть не могли за ее бескомпромиссную справедливость – но всегда признавали ее превосходство. Стеллу ненавидели – но ею восхищались. Она поднималась, и он поднимался вместе с ней, но не рос команди-

ром, а просто тянулся, обвивая плетень. Вырос пустышкой, за спиной и в тени. И, как только Стелла ушла, оказался без опоры.

...Бок котла блестел, ловя блик от луны. Может быть, с внезапной усмешкой подумал он, это и есть то единственное, на что он способен, единственное, чем может быть полезен миру, – оттирать котел. Негусто...

Он уснул, раскинувшись в траве рядом с озером. Ладонь кололи согнувшиеся над водой камыши. В котел залетела мушка и билась, жужжа. Уже во сне он пнул котелок, чтобы муха вылетела. Жужжание смолкло.

* * *

Их отправили на уборку территории, сняв с литературы: в школу приезжала комиссия, а спортивная площадка за столовой после зимы кишела окурками, собачьими минами и пенопластом. Им не дали ни граблей, ни перчаток – просто выгнали на прохладное майское солнце и заставили убирать все это голыми руками. Козьявки завозмущались, и Стелла, которая могла бы цыкнуть и заставить всех замолчать, неожиданно приняла их сторону.

– Если мы начнем ругаться сейчас, ничего не добьемся, – сказала она. – Сделаем так. Уберемся. Сфоткаем то, что было, и результат. И напишем официальное заявление об эксплуатации детского труда. После такого никто не посмеет за-

ставлять нас убираться.

Козявки натянули на пальцы рукава и отправились на площадку. Стелла засела за заявление. И все было бы ничего, если бы она не окликнула его в дверях:

– Артем! Останешься. Поможешь с текстом.

Он, сжавшийся от неминуемой встречи с окаменелыми собачьими делами, выдохнул и распрямился. Вернулся в класс, быстро прикрыл дверь и почти не услышал, как козявки хором выпалили:

– Подпевала несчастный!

* * *

Он проснулся от пинка одной из козявок.

Что-то вылетело из него, что-то незримое, как мелкий камешек.

– Где котел? – вопрошала козявка, но он не слышал. Поднялся, чувствуя, как кружится голова. «От голода», – равнодушно подумал он, вспомнив вчерашние остатки каши. Достал телефон проверить, есть ли связь. Связь была, но стоило ли теребить Стеллу на сборах?..

Он нервно, желчно рассмеялся, глядя на козявку и не видя. Сколько можно беспокоиться только о ней, о драгоценной Стелле? Набрал номер, в трубке загудело, сердце заколотилось, подпрыгивая. Выключили ветер, смолкла козявка...

– Алло, – услышал он знакомый, усталый, но веселый и

звонкий голос.

Земля повернулась, качнуло на бок, и он ослеп. Секунду лежал, чувствуя, как травинка щекочет нос, а потом ощутил мощный удар сзади. Попытался выпутаться из чего-то черного, скользкого, что накинули сверху...

Кто-то из козявок угодил ботинком поддых; он согнулся. Кто-то заехал в лицо, смазал по уху. И вот тогда снова включили звук, и зазвенело, зашумело, загрохотало вовсю.

Козявки устроили темную. Вот так вот. Пять лет терпели. А теперь – Стелла ушла, и они ощутили силу.

Болели руки, спина, живот; он не чувствовал пальцев, которыми пытался закрыть от ударов лицо. А козявки били и били; и откуда-то, с областного центра, с края вселенной, пробивался через динамик восторженный голос Стеллы:

– Меня пригласили учиться в школу при МГУ, представляешь? Сейчас задержусь, чтобы оформить документы. Я тебе напишу, возьмешь у меня дома что нужно, пришлешь первым классом. В июле приеду за вещами... А потом – Москва! Москва, представляешь?! Что ты там молчишь? Эй! Ау!..

Козявки били и били; Стеллу на таком расстоянии слышал только он.

– Ау, Артем!

Артем. Она называла его по имени пару раз за все их знакомство. Козявки между собой всегда называли только «он».

Он. Эхо. Ничто.

Он дернулся, взвился и замолотил кулаками, не глядя, как

и куда бьет. Кто-то закричал. Черное покрывало упало, козявки отхлынули, а он яростно лупил воздух, ничего не видя, наскакивая на цветные пятна, визжа.

– Припадочный! – испуганно донеслось слева, и он прыгнул, повалив кого-то на землю, ударил в нос, хруст, липкая кровь...

– Припадочный! Отцепись от меня!

А он рычал, наслаждаясь кровью, внутри клокотало, чесались руки, он бил и бил, и представлял себе Стеллу, а потом оказалось, что он бил в землю – его жертву оттащили, но он все равно продолжал, пачкая кулаки слюной, кровью, травой, вбивая в рыхлую почву ненависть к своей бесхребетности, всю свою злобу, все бессилие.

* * *

Он вернулся домой грязный и избитый – швырнул спрятанный в кустах котел в реку, расхохотался и вызвал такси, потратив половину выданных матерью денег. Ее, напуганную, причитающую, он отодвинул с дороги и встал перед отцом.

– С сентября перехожу в другую школу.

Отец поднял брови. Почесал грудь под майкой. Качнул головой и вернулся к кроссворду.

– Либо бросаю вообще.

Отец вздохнул и свернул газету. Встал.

У него дрогнули руки, но он сжал пальцы, резко и крепко укусил губу, чтобы не струсить. Представил себя бесстрашным и дерзким. Вообразил себя Стеллой.

– Отдай мой паспорт.

– Нет. Тема, ты закончишь гимназию, и точка.

– Отдай. Мой. Паспорт.

Он нарочно произнес слова отдельно; с каждым словом он придвигался к отцу, делал шаг. В нос ударило затхлым, застиранным, потным; пахнуло дешевым отцовым парфюмом. Затошнило.

Он раскрыл глаза, посмотрел исподлобья; лоб и глаза отца оказались совсем рядом – большие, с явными прожилками, с мешками, с морщинами. Что-то пискнула мать. Горло сжалось, он хотел повторить:

– Паспорт!

Но из-за того, что все тело обмякло от ужаса, изо рта вырвалось:

– Пакостник!

– Чево?... – щурясь, прошипел отец. И тогда он вскинул кулак, растопырил пальцы и применил тот самый прием, которым когда-то был взят в плен. Мясистое отцово плечо противно спружинило под пальцами, но он не отпустил. Высоким голосом крикнул:

– Отдал! Сейчас же!

Отец отцепил его пальцы и отшвырнул от себя. Он шмякнулся о диван, поднялся и бросился в комнату родителей.

Пока отец не опомнился – пяткой ударил в ящик комода, выбив хлипкий замок. Вывалил оттуда бумаги, отыскал свои документы.

– Ты что делаешь, паскуда?!

– Па-ако-стник, – с наслаждением повторил он, хватая бумаги и прыгая к дверям.

– Если сейчас уйдешь – чтоб духу твоего здесь не было!

Он рассмеялся отцу в лицо, трясаясь от ужаса и все-таки зная, что последствия придут, что будут раскаяние и паника, но это будет потом... Он знал, как справляться с этим, он смотрел на пример целых пять лет – должен же был чему-то научиться!

Он выбрался на улицу, тяжело дыша; холодный июньский воздух колот легкие. Из окна доносился плач матери, матюгался отец. Он вытащил из рюкзака, который так и не успел снять, остатки денег. Пересчитал. Достал телефон.

– Стелла? Собрание? Ничего, подождет. Стелла, это срочное дело! Мне нужны деньги. Еще мне нужно, чтобы ты договорилась, чтоб я переночевал где-нибудь в Москве. Я приеду завтра. И если тебе нужны какие-то документы, говори сейчас. Иду к тебе, потом на вокзал. Потом объясню. Потом, я сказал! Дружба – это взаимовыручка.

«В пустоте»

М.С. Парфенов

Рассказ

Самолет ощутимо вздрогнул, заходя на посадку. Дима положил аэрофлотовский журнал на пустующее кресло слева от себя. Он не любил это чувство, будто внутри, в районе солнечного сплетения образовалась маленькая черная дыра. Ему не нравились перепады давления, ббивавшие в уши пробки из невидимой ваты. Напрягало невесомое скольжение в бездну, называемое столь нелепо – «снижение высоты». Словно речь о коротком спуске, а не о падении в зияющую бесконечность. Сейчас это чувство обрело мощь и силу, но, по правде сказать, он уже несколько месяцев жил с ним.

Тяжело дыша, Дима шарил рукой в поисках теплой Машинной ладони, но отыскал лишь отброшенный секунду назад глянец. Та, кого он привык называть «второй половиной», ждала где-то внизу. Ему хотелось верить, что ждала. Он надеялся на это. Дима посмотрел в иллюминатор, и дыхание на миг перехватило.

Город был безбрежен, как океан. Во мгле за бортом проплывали прозрачные клочья облаков, а под ними во все стороны разбегались огни ночной Москвы – расстеленная ковром гирлянда из миллиона лампочек. Желтые окна чых-

то квартир, сияющие офисы компаний, фонари вдоль дорог. Счета им не было. Дима знал: в некоторых странах проживает меньше людей, чем в столице. Но никогда еще осознание этого не являлось ему столь наглядно и впечатляюще. Самолет летел и летел, постепенно снижаясь, а океан огней все не заканчивался, будто невообразимых размеров монстр покоился там, на дне, таращась в темное небо множеством равнодушных глаз.

«Как же их много, – подумал Дима. – И как же они пусты».

По пути из Домодедово такси застряло в пробке. Несмотря на поздний час, трасса оказалась запружена авто, то ли по случаю проезда какой-то «шишки», то ли из-за аварии где-то впереди. Минут на двадцать движение практически полностью замерло. Позади, по бокам, перед их машиной стояли другие. Десятки, может сотни.

Сонный и злой водитель буркнул:

– Когда-нибудь я так и сдохну в этих пробках. Заеду в очередную и уже не выберусь отсюда.

Потом достал мобильник и начал кому-то звонить. Дима тоже включил телефон и нашел в списке контактов номер Маши – просто чтобы увидеть ее фото. Чтобы отвлечься – слова шофера вернули ощущение пустоты и бессмысленности окружающего чуждого мира.

Позже, лежа в маленькой спальне на съемной квартире, глядя в потолок, ловя в темноте тень ее дыхания, он подумал – каково это? Жить в окружении миллионов людей, сре-

ди которых нет тех, кому ты по-настоящему нужен. Мириады глаз-огней, источающих безразличную пустоту. В груди стало горячо от желания обнять Машу и никогда-никогда не отпускать. Простыни охладили ледяной пустотой.

На рассвете он забылся, рухнул в беспокойную зыбкую трясину меж сном и явью. Привиделась она – желтые волосы, белая кожа, короткое красное платье. Голые ноги, босая – Дима был уверен, что босая, как обычно, хотя она стояла перед кроватью, а он лежал и со своего места не мог видеть ее ступни. Он потянулся к ней, но напрасно – Маша плавно отступила на шаг, печально качнув головой. По губам Дима прочел безмолвное предупреждение.

– Почему?! – спросил он вслух, громко, почти прокричал – и проснулся. Один на холодных простынях, в пахнувшей пылью и пустотой комнате.

В их родном ПГТ не было метро, эскалаторов. Спускаясь под высокие мраморные своды, Дима чувствовал, как в легких становится меньше кислорода, в груди панически трепыхалась запертая в клетке ребер птица. Впереди и позади, выше и ниже него стояли мрачные, молчаливые москвичи в серых куртках, белых рубашках, розовых блузах – такие разные и такие одинаковые, как армия плящих в никуда истуканов. Взгляд блуждал среди плеч и голов, гулял по прическам и шапкам в тщетной надежде зацепить до боли знакомый абрис лица или хотя бы краешек ее рукава.

Избегай людных мест, прошептала во сне вторая полови-

на. Но разве это возможно в таком городе-океане? Спуск закончился, и роботы с человеческими лицами вокруг ожили, бурлящий поток подхватил Диму и выволок на перрон.

В личном общении андройды притворялись людьми. Полицейский был совсем как живой, настоящий. Проявлял участие. Разрешал курить у себя в кабинете и угощал растворимым кофе. Кофе был мерзкий на вкус и почти лишен аромата, зато горячий. Полицейский смотрел на Диму, кивал сочувственно, с пониманием. Возможно, в прошлом тоже кого-то довелось потерять? Говорил мягко, как добрый отец сыну, да и, судя по глубоким морщинам в углах глаз и возле рта, вполне годился на эту роль.

К сожалению, ничего нового. Если в первые дни новостей нет – дальше не стоит и ждать... Большой город. Много соблазнов. Много людей.

– Злых людей – много? – уточнил Дима.

– Уж точно больше, чем добрых, – пожал плечами полицейский. Стряхнул пепел в пластиковый стаканчик с остатками коричневой жижи на дне, поднес сигарету к губам, затянулся, задумчиво посмотрел в окно кабинета. – Хотя меньше, чем всех остальных.

– Каких?

– Никаких. Серой массы. Толпы.

– Толпы?... – *Избегай людных мест.* – Толпы опасны? Чем?

На лицо полицейскому усмешку будто прилепили, как

стикер.

– В толпе мы все одинаковые. В толпе теряешь себя... На-долго в столицу-то?

Дима нацепил собственную наклейку со смайлом. С непривычки это было непросто, челюсти сводило от напряжения.

– Пока не найду ее...

– Значит, навсегда. – Полицейский поскуchnел. Снова стал роботом.

Дима надумал спросить ее однокурсников. Вдруг им что-нибудь известно. Разве могут студенты исчезать просто так, не оставляя никаких следов? В полиции верили, что могут, но он поверить в это не мог. Пока, во всяком случае.

Башня центрального корпуса МГУ возносилась вверх, словно желая проткнуть небеса. Советский ампиp навис готическим склепом над кладбищем города. Внизу, под ним, в могильном гное копошились насекомые и черви.

Их было много, они заполняли коридоры и аудитории, читали лекции и шумели на кафедрах. Дима ткнулся в один угол, другой... Стайка щебечущей молодежи настигла его на одном из этажей, рядом с лестницей. Девушки с длинными волосами и красными, как кровь, ногтями окружили, обдали коктейлем резких сладких ароматов, переливчатого звонкого смеха, случайных прикосновений. Ему почудилось, что среди них была Маша, Дима уловил ее запах. Но, когда он попытался схватить, удержать тонкую руку, его оттолкнули

и сказали что-то возмущенное и презрительное.

Перед глазами все плыло. Дима отшатнулся, оперся о стену. Подбрел, шатаясь, к распахнутому окну в конце коридора. Там стояли двое парней, с виду почти настоящие. И один, что постарше, рассказывал второму:

– ...каждый год такая картина. Кто-то идет, идет и – выходит. Через окно.

– Почему? – Дима, едва держась на ногах, ввалился между ними.

– Друг, ты чего? Тебе плохо, что ли?

– Почему прыгают?

– Не знаю, о чем ты, приятель... Пойдем, пойдем отсюда. – Парни заторопились оставить его одного. В пустоте посреди толпы. Из последних сил Дима бросился вперед, сжал слабеющие пальцы на вороте рубашки старшего из студентов, поймал удивленный и слегка испуганный взгляд за стеклами модных очков. Поймал капельку жизни в его глазах.

– Ты говорил. О самоубийствах. Почему люди делают это? Мне *надо* знать.

Очкарик облизал губы, прокашлялся.

– Черт... у каждого свои причины, наверное...

– Почему?!

– Город давит, – неожиданно ответил другой, мягко вклиниваясь и отодвигая Диму назад, к гостеприимно распахнутому окну. – Ритм местной жизни. Некоторые просто не созданы для такого, не выдерживают. Ну и... уходят.

– Уходят?..

– Ну да, валят к такой-то матери. Умирают. Стираются с лица Земли. Одиночество убивает, чувачок.

– По-моему, он уже в курсе, – хмыкнул тот, что был старше. Призрак жизни покинул его глаза. Черви уползли в аудиторию.

Дима пришел в себя в спальне, точно очнулся после долгого ночного кошмара. Здесь царила знакомая уютная пустота, уже не такая холодная, как прежде.

Эту квартиру они оплачивали вдвоем. Он работал там, у себя, она жила и училась здесь. Жила... какое страшное слово. Дима опять таращился в комнатный сумрак, искал во тьме оранжевый маячок ее тонкой сигареты, вдыхал затхлый воздух, хранящий эхо запахов Маши.

Встал. Обнаружил, что спал, как пришел, в одежде и обуви. Вернулся по собственным грязным следам в прихожую, оттуда шагнул на кухню, к ржавеющему крану. Склонившись, долго и жадно глотал теплую, отдающую хлоркой воду. Когда он последний раз пил? Сколько дней назад ел?..

Какая разница. Вернулся на кровать, вытащил мобильник. Батарейка почти разрядилась – может быть, ей тоже надо попить?.. Просмотрел пропущенные вызовы и сообщения. Звонили с работы, из дома. Мать прислала смс с вопросом «где ты?» – такие же он отправлял в течение двух месяцев на Машин номер, но ответа так и не дождался. Последняя весточка от второй половины была еще в августе и со-

стояла всего из трех слов.

Избегай людных мест.

Толпа опасна. Толпа стирает слабых, а остальных – превращает в червей и роботов. Могла ли Маша это понять? И если да, то почему осталась в этом городе-океане, городе-монстре? Почему не вернулась к нему?

Почему он сам не прилетел сюда раньше?

Дима снова уснул и во сне снова спускался на эскалаторе в метро, прямиком в огромную черную пасть. Перед ним и сзади стояли его точные копии, и когда те, что были ниже, скрывались за клыками-турникетами, сзади на эскалатор ступали точно такие же Димы. Конвейер работал, перемалывая людей в пустоту.

Несколько суток он не выбирался из комнаты. Снова не ел, не пил. Выбросил телефон на улицу и зашторил окно. Лежал посреди сумрака, страхась упустить призрачное явление, настигшее его здесь в первую ночь. Если где-то и остались следы Маши, то искать их нужно в этих четырех углах.

Но с каждым днем надежда угасала, а в конце... В конце Дима вдруг понял, что обманул сам себя.

Маша сообщила ему этот адрес, прислала копию ключей, а он отсылал ей деньги раз в месяц для оплаты счетов. Но сам никогда прежде тут не бывал. А была ли тут она?.. «Была ли она вообще в моей жизни? – подумал Дима. – Хоть когда-нибудь – была? Или все это лишь тень, призрак моего собственного безумия? Фантазия одиночки, так и не обрет-

шего *вторую половину?*».

Если Маша и жила в этой квартире когда-то, то сейчас от нее ничего не осталось. Только спертый воздух, пыль и пещерный холод.

По кафелю ванной ползали тараканы. В зеркале отразилось исхудавшее серое лицо со впалыми щеками и многодневной щетиной на подбородке. Лицо человека гораздо более старого, чем Дима. Под носом засохли сопли.

– Ее здесь нет, – сказала отражение, не раскрывая рта. – Толпа поглотила ее.

Значит, искать надо в толпе.

Избегай людных мест.

«Зачем?»

Чтобы уберечь себя.

«А кто сказал, что я себе нужен?..»

Он не закрыл за собой двери. Спустился на лифте и вышел в ночь. В черном небе не было звезд, но плыл, поблескивая габаритными огнями, самолет, неся на борту еще какое-то количество потерявших и ищущих – на прокорм городу. Возможно, в салоне среди прочих пока еще живых пассажиров сидел парень по имени Дима.

«Пусть тебе повезет больше», – пожелал Дима своему незримому двойнику.

На перекрестке поймал такси, попросил отвезти в аэропорт. Когда на одном из поворотов они уперлись в хвост длинной пробки, таксист устало вздохнул:

– Когда-нибудь я так и сдохну. Застряну и уже не выеду...

– Поехали обратно, – сказал Дима. – К МГУ.

Распрощавшись с водителем – тот превратился в андроида, как только получил деньги, – обошел здание университета по кругу. Редкие прохожие напоминали ему тени самого себя. Дима направился туда, где народу было больше. Прошел по аллее Академиков, подгоняемый недружелюбными взглядами мраморных зенок. Вышел на тонушее в свете огней и шуме моторов дорожное кольцо. Площадь за ним оказалась забита мотоциклами и людьми. Байкеры разговаривали друг с другом, смеялись, пили пиво и шампанское. Праздно шатающиеся компании скользили меж разного рода сборищ. Молодые парочки целовались у дальнего парапета и любовались открывающимся оттуда видом на Лужники. Целые семьи с детьми фотографировались на фоне блестящих машин и танцевали под песни уличных музыкантов.

Толпа жила. Толпа дышала. Толпа ждала его.

Собравшись с духом, он шагнул вперед. Словно в рой пчел попал – глухой ропот окружил со всех сторон. Пустота колыбалась, дрожала в предвкушении.

Еще не поздно развернуться – и бежать, бежать скорее отсюда. Чтобы *быть*.

Или остаться. Стать частью этого всего, как стала Маша. Слиться с ней, слиться с окружающими и тем самым обрести недостающую часть себя.

– Чего же ты ждешь? – спросила толпа голосом пьяного

солиста с импровизированной сцены.

Дима посмотрел вперед и увидел среди массы копошащихся тел огромное белое слово: «ЛЮБОВЬ». В круге буквы «О» позировала фотографу босоногая блондинка в красном домашнем платье.

Дима пошел к ней, и люди-роботы плотной стеной сомкнулись за ним.

Он погрузился в толпу, как в океан. Рухнул прямиком в червивые объятия монстра с мириадой глаз, утонул в голосах. Зашел в букву «О», похожую на цифру «0».

И уже не вышел оттуда.

«Лишний вес»

М.С. Парфенов

Эссе

У каждого из нас есть свой альбом воспоминаний.

Я сейчас не про фото в Одноклассниках и ВКонтакте. Не про тщательно отобранную коллекцию наиболее удачных свадебных снимков. И даже не про те пухлые талмуды с оттопыренными «кармашками», по которым еще ваша бабушка в одном ей понятном порядке распихивала черно-белые фотографии для семейного архива.

Я про тот альбом, который у каждого из нас в голове.

Чего в нем только нет! У меня, например, там хранится вкус печеной картошки из костра и то, какая она была горячая, как плясала у меня в ладошках, обжигая кожу, – это я в детстве набрел на какую-то компанию в поселке, где тогда жил, и меня угостили. Что это за компания была, что за люди – не помню, а вот вкус и запах картофеля в памяти отложились. Еще в моем альбоме нашлось местечко для теплой коровьей лепешки, в которую я однажды ненароком вступил. Это тоже из поселкового детства – маленький Мишутка тогда по какому-то нелепому, но крайне важному детскому поводу разобиделся на родителей и решил уйти из дома, чтобы «вот тогда они поймут, кого потеряли» и все такое. Стран-

ным образом та лепеха помогла мне поменять решение, развернуться и пойти обратно домой. Быть может, опорожнившись тогда в поле, некая корова спасла моих маму и папу от долгих, мучительных лет, полных горя и слез.

Там же, в альбоме у меня – первая сильная боль (дети, никогда не суйте пальцы в щель между дверным косяком и дверью). Первый испуг. Первая радость. Первая кровь – вот тогда, кстати, больно-то и не было; по крайней мере, я этого не помню, зато отлично помню чувство изумления и даже восторга при виде темно-алых капель, медленно падающих на пол с моей разбитой во время какой-то игры головы.

Не знаю, как обстоят дела с вашим альбомом воспоминаний, но у меня это, как видите, довольно странная подборка. Тут, как в портфеле третьеклашки, можно найти тысячи совершенно вроде бы не важных «никомуненужностей». А действительно значимым, как сейчас, спустя много лет, понимаешь, моментам – места в «кармашках» моей памяти почему-то нет.

Например, в альбоме не сохранились мои первые писательские опыты. Восстановить хронологию легко – точно знаю, что мне было девять лет, когда мой рассказ «Человек без стыда» был напечатан в газете «Черный кот». Эта газета издавалась в городе Тверь, и там был конкурс «ФантАс» для детей и юношества. У меня сохранился – не в памяти, а по-настоящему, лежит в укромном местечке книжного шкафа – тот выпуск газеты с моей первой печатной публикацией.

И там указан возраст автора, так что мне совершенно точно было девять.

Но я не помню, как писал тот маленький рассказ. Или как отправлял его в газету – ничего не помню на сей счет.

Может быть, потому что это был не самый первый для меня опыт сочинительства. Если не ошибаюсь (а с этим моим странным, хаотично собранным альбомом ошибиться проще простого), первая моя история рассказывала про ученых на северном полюсе, которые нашли во льдах огромное яйцо. Из яйца вылупился – та-дам! – динозавр и всех сожрал. Такая себе вариация на тему «Стой, кто идет» (also known as «Нечто») Джона Кэмпбелла. Название своего писательского дебюта не припомню, зато бережно храню в альбоме чувство гордости за него – и не потому, что рассказ был хороший. Он не был хорошим, даже для мальчишки 8–9 лет, я это понимаю. Гордость не распирает меня (ну разве что самую капельку) и оттого, что ту трэшовую фантастику ужасов про динозавра я написал еще до выхода в прокат фильма «Парк Юрского периода». Просто я тогда показал тетрадку с рассказом маме, а она – то ли в шутку, то ли всерьез – приятно удивилась и похвалила меня. Потом было еще несколько тетрадок с рассказами, включая «Человек без стыда» и историю про мужика, который, починая «Запорожец», случайно изобрел машину времени (как вы понимаете, тогда я читал много фантастики). Были новые восторги мамы, к которым осторожно присоединился и папа. В какой-то момент

выяснилось, что отец моего отца, мой дедушка, ветеран Великой Отечественной, который умер еще до моего рождения, был писателем и редактором, членом Союза писателей СССР. Я ничего не знал о нем, когда начинал писать, и родители усматривали в этом некую бытовую мистику – мол, природа отдыхает на детях, но во внуке себя проявила.

Где-то тогда я понял, что сам хочу стать писателем. Но в какой конкретно момент эта идея ко мне пришла – не помню. В альбоме сей знаменательный, судьбоносный момент никак не отмечен.

Как нет в нем ровным счетом ничего и о том, когда и почему я начал толстеть.

Обычный маленький мальчик Миша просто в какой-то момент стал толстеньким мальчиком Мишей. Есть, опять же, реальные фото – разница между ними вряд ли составит больше пары лет. И на одних снимках я еще худой, хоть и с довольно милыми пухлыми щечками, а на других уже сам превратился в одну распухшую, как от зубной боли, щеку.

Рискну предположить, что лишний вес у меня появился после того, как сгорел дом нашей семьи – в том самом поселке, в окрестностях которого я познал вкус печеной картошки и вляпался в коровьи экскременты. Безусловно, пожар в доме нанес мне серьезную травму – по счастью, лишь психологическую. И, как часто бывает, я вполне мог свои душевные страдания «заедать», оттого и толстел. В общем-то, ничего удивительного, и даже вполне логично предположить,

что так оно все и было.

Но я ничего не помню об этом.

Я очень ярко помню другое. Один-единственный мимолетный момент, или даже не момент, а мысль, посетившую меня в тот самый день, когда сгорел дом в поселке. Кажется, меня и родителей везли куда-то. Кажется, мы проезжали мимо пепелища, оставшегося на месте нашего дома. Мне было больно. Я был в ужасе. У меня было огромное, размером с Вселенную, горе, потому что, знаете ли, это полный капут, когда вам всего девять лет и сгорает дотла ваш дом.

И вот тогда я почему-то подумал, что пожар – это испытание. Словно сам Господь (рок, фатум, некая могущественная, несоизмеримо огромная Сила) НЕ ХОЧЕТ, чтобы я писал рассказы. Или таким жестоким способом устраивает мне некую проверку на вшивость. Понимание этого было четким и ясным. Но еще ярче была пронзившая мой детский разум мысль: «Я все равно СТАНУ писателем». Всем назло.

Что касается лишнего веса – надеюсь, вы догадываетесь, что мы тут постепенно подходим к определенной метафоре, подразумеваемой под этим словосочетанием, – то я так и рос дальше толстяком вплоть до самого окончания школы. И знаете, те чертовы кило – это было действительно НЕЛЕГКО. Мой альбом памяти битком набит стыдом и комплексами, потому что дети, подростки бывают очень жестокими, и если в вас есть некий физический недостаток, дефект, будь то заикание, картавость, слабое зрение или лишний вес, –

вы будете страдать. Вас будут мучить, истязать. Долго, очень долго.

Мне было девять, когда мой рассказ напечатали в газете. И я тогда выиграл тот конкурс «ФантАс», потому что мой «Человек без стыда» оказался лучшим из того, что публиковалось там в течение года. Но как раз тогда сгорел мой дом, семья перебралась в общежитие в другом районе, так что про свою победу я узнал гораздо позже – когда уже был толстым.

Значит, толстеть я начал где-то в девять-десять лет, получается. В одиннадцать я уже совершенно точно был толстый – это заметно на фото из газеты «Черный кот», корреспондент которой провел целое расследование, чтобы все-таки отыскать победителя их конкурса. Номер с той фотографией (в общажной комнатухе, на фоне полки с книгами) у меня тоже есть, а статья обо мне так и называлась: «Награда нашла победителя».

Одиннадцать лет – тот самый период, когда детишки уже начинают корчить из себя взрослых, перенимая у тех все самое худшее. Драки, издевки, унижение – все это по-настоящему начинается как раз в этом возрасте или немного позже. И если вам не повезло так же, как мне, то это сопровождает вас вплоть до выпускного класса, заставляя порой всерьез подумывать о суициде.

Каждый писатель (если он чего-то стоит, как писатель, конечно) в каком-то смысле – коллекционер слов. Потому что все мы, знаете ли, любим пополнять свой словарный запас.

И наше время подарило нам массу новых словечек, таких как «харассмент», «абыюз» и «токсичность». Но в детстве – в тот мой «толстый» школьный период – я ничего из этого, разумеется, не знал. Я знал другое. Страх, стыд, стеснение, дискомфорт. Боль. «Эй, кабан!», «слышь, иди сюда», «деньги есть?», «а если найду?» и тому подобное. Однажды мне приснилось, что я избиваю до полусмерти кого-то из своих обидчиков (да, и такое в альбоме воспоминаний у меня тоже есть). Однажды я хотел взять с собой в школу нож, чтобы убить кого-то из тамошней гопоты. По счастью, не взял, и трагедии не случилось. На самом деле, спасибо маме, которая поговорила со мной и подсказала, как лучше быть. Ее совет реально помог мне тогда. Помог избавиться от ЛИШНЕГО ВЕСА – а комплексы, уж поверьте, давят ОЧЕНЬ сильно и отягощают побольше, чем килограммы жира.

Но это еще не совсем та метафора, к которой я вас веду. Мы шагаем по дорожке из таких вот метафор-плиток, от альбома с воспоминаниями к лишнему весу, как чему-то большому (простите за каламбур). Надеюсь, вы все сами поймете, когда придем. Уже совсем скоро – маячки расставлены.

Я не могу сказать, что был самым третируемым ребенком в классе или школе. Многим приходилось гораздо хуже – их пугали, били, отнимали карманные деньги. Заставляли делать всякое. Их реально обыскивали, а они терпели эти унижения – день за днем. В той школе орудовала целая банда малолетних наркоманов без стыда и совести... и когда-ни-

будь я обязательно об этом напишу. Но сейчас о другом.

Мне во многом было легче, чем другим париям – потому что парией как таковым я и не был. Ну почти не был. Где-то удавалось спастись за счет юмора и неплохо подвешенного языка. Но мне все равно было тяжело, ведь за хохмами скрывались страхи и комплексы обычного толстого мальчишки из довольно бедной семьи. Все это тоже было «лишним весом», от которого удалось избавиться далеко не сразу.

Тетрадки с рассказами – вот что меня тогда еще спасало. И, разумеется, книги. Я читал «Они жаждут» Маккаммона и «Жребий» Кинга – и находил там таких же, как я, юнцов, у которых комплексов было больше, чем прыщей. Которые сталкивались со схожими проблемами и с чем-то еще худшим, но выходили из битвы победителями.

И еще со мной оставалась моя мечта – стать писателем.

Я работал над собой в этом плане. Мне было интересно. Я читал не только художественную литературу, но и все статьи, предисловия, послесловия, все интервью и документальные труды с советами о том, как надо писать, какие писательские приемы и техники существуют. Все, до чего только мог дотянуться в эпоху, когда Интернета в России еще не было. И даже там, где вроде бы никаких рекомендаций начинающим авторам не содержалось, я пытался найти что-то, что мне как будущему писателю могло пригодиться.

Все это пополняло мой альбом, но, знаете, это был уже другой альбом – или какой-то новый раздел в прежнем. В от-

личие от кучи «кармашков» со всякими ненужностями, которые попадали туда совершенно случайным образом, в этом разделе я сберегал то, что считал крайне важным и прямо-таки необходимым для себя.

Вероятно, со временем у всех нас появляются несколько таких альбомов памяти, помимо основного. В них мы храним то, что считаем полезным. Чем дольше живешь — тем больше у тебя таких альбомов... а когда-то их становится **СЛИШКОМ** много.

Тут мы подступаем наконец к главному, о чем я хотел бы вам сказать.

Понятно, что я усиленно впитывал в себя теорию писательства. Но я также и продолжал писать — сначала в тетрадках, потом на пишущей машинке, потом в домашнем компьютере. Попытался применить на практике советы мастеров.

Одним из таких советов меня — и тысячи других начинающих — оделил Стивен Кинг. Дословно не процитирую, но смысловой посыл заключался в том, что «надо убирать из текста лишнее». И, мол, «если видишь что-то, без чего текст может обойтись, — удали».

То был очень дельный совет. Мысль из тех, что открывают вам глаза. Мне он и сейчас кажется отличной рекомендацией, но...

Кинг, образно говоря (мы же все еще крутимся тут среди метафор, да?), посоветовал авторам «сбрасывать лишний вес». Вот только я чересчур ярко кинулся следовать заветам

мэтра. С тем же успехом, похудев на тридцать кило, я мог бы не остановиться на достигнутом. Избавился бы еще от тридцатки. А потом еще – пока совсем бы не издох от истощения.

Так, следуя дельной вроде бы рекомендации, я убивал собственные рассказы, лишая их не только слов-паразитов, излишней атрибуции диалогов и тому подобных излишеств, но и вообще ВСЕГО, без чего смысл текста не терялся.

Это высушивание собственной прозы продолжалось у меня несколько лет параллельно с попытками где-то опубликовать свои сочинения. Иногда даже такие публикации случались, но среди них не имелось ничего, чем можно было бы всерьез гордиться. Какие-то фэнзины, полулюбительские малотиражки (простите, «крафтовые» издатели, и не считайте это неуважением к вашему делу, но плох тот автор, который гордится, что его опубликовали тиражом в пару сотен экземпляров), малопонятные эмигрантские листки, выпускающиеся где-нибудь в Греции... Я все ждал какого-то прорыва, выхода на серьезный уровень, а этого не происходило. И где-то из потаенных кармашков моей памяти снова выглядывал комплексующий, не уверенный в себе толстячок.

И так продолжалось, пока я не осознал две вещи.

Во-первых, судя по многим произведениям Кинга – он сам далеко не всегда следует своим же советам. Черт побери, некоторые из его текстов, особенно поздних, чертовски перегружены. А кое-какие представляют собой, по сути, многословную графомань. Что, конечно, не отменяет того фак-

та, что он сочинил и множество отличных, мастерских историй, включая истинные шедевры.

А во-вторых... В какой-то момент я вдруг понял, чего не хватает моим собственным историям. Мяса и жира. Потому что, следуя завету кумира (а когда-то, безусловно, Стивен Кинг был для меня практически кумиром) и небожителя, я старался «отсечь все лишнее» и в итоге превращал свои рассказы в этакие ходячие скелеты – кожа да кости. В моих историях не оставалось ничего лишнего, что не работало бы на идею, но штука в том, что идею никогда не будет ЛИШНИМ раскрыть поглубже. Для чего вам может быть важно больше рассказать о своих персонажах и их быте, об их прошлом, о чем они думают. Об их страхах и мечтах. Совсем не обязательно (и даже плохо, так как это очень примитивный подход) подавать эту информацию в лоб, авторским текстом. Может быть, лучше подыскать иной подход, не столь прямолинейный – то есть, опять же, уделить внимание мелким деталям, добавить какие-то интересные, раскрывающие героев сцены. Не то чтобы плохо писать миниатюры, но нет нужды писать ТОЛЬКО их.

В конечном счете, понимание двух этих вещей – о Кинге и о себе самом – привело меня к тому, о чем я сейчас скажу вам. Кинг бывает ОЧЕНЬ многословен («словесный понос, Стиви, словесный понос!»), и поэтому для него совет «отскай все лишнее, без чего твой текст может обойтись» – уместен. И даже жаль, что с возрастом он сам забыл об этом пра-

виле, потому что ранние романы Кинга вроде «Долгой прогулки» – прекрасны и, на мой вкус, написаны куда лучше, чем толстенные поздние вещи. Но это Кинг. А я – не он. Я это я. И моим текстам требовалось прямо противоположное – им нужно было не «худеть», а «толстеть», чтобы обрести свой, оптимальный для них «вес».

Делает ли это совет Кинга бесполезным? Отнюдь. Просто всегда нужно не бестолково следовать каким-то правилам, а ПОНИМАТЬ, как и чему они служат – и насколько подходят конкретно вам в конкретных ситуациях.

Да, я все это написал для того, чтобы донести до вас эту простую мысль.

Но – следите за руками, чтобы понять, какой фокус мне тут удалось провернуть. Подводя вас к нужным выводам, я набросил несколько метафор, более или менее банальных – «альбом памяти», «коллекция слов»... и «лишний вес» страхов, комплексов, ненужной информации и вредных советов. Уже неплохо, как по мне, ведь это само по себе придало моему эссе больше глубины и смысла.

Кроме того, я исхитрился использовать в этом эссе кучу своих детских и подростковых воспоминаний – самых разных, от истории с коровьей лепешкой до моих взаимоотношений с отцом и матерью. Многое из этого вроде как проходило по разряду «никомуненужностей», «лишнего веса», но, смотрите-ка, пригодилось и помогло мне, как автору, решить целый ряд задач – например, достичь определенной интим-

ной близости с вами, читателями.

Текст, изначальная «идея» которого заключалась лишь в том, что «не все советы одинаково хороши», в итоге говорит о чем-то гораздо большем, понимаете?

Вот в чем секрет «фокуса» (клянусь, это последняя метафора).

Оказывается, нет ничего стопроцентно «лишнего» или, напротив, необходимого. Нужными или ненужными ваши воспоминания, мысли, почерпнутые где-то советы и рекомендации, любой иной опыт в конечном счете делаете вы сами, а не кто-то другой. И да, иногда нужно худеть – это, в конце концов, полезно для здоровья. Но порой не помешает и набрать веса.

«Что ест ваш герой?»

Найт Мерилион

Эссе

Когда журнал «Рассказы» предложил мне написать эссе о писательских фишках, я сразу поняла, что буду писать про быт, еду и раскрытие героев через детали.

Все эти мелочи: что герой поел на завтрак, насколько горячим был кофе, позволяет ли себе герой выйти из дома в мятом свитере и почему он так не любит торговцев на рынках.

Зачастую мы увлекаемся важной миссией (если речь о героическом фэнтези), отношениями (если речь о любовном романе), стремительным сюжетом (если создаем, например, детективную или приключенческую историю) и забываем о том, что большую часть жизни занимают не великие подвиги и любовные потрясения, а каждодневные рутинные мелочи. Один не может уйти из кухни, не перебив всю посуду, второй ест на ходу, вытирая перепачканные руки о штаны, – в этих мелочах прячется та самая «живость».

Героя прекрасно охарактеризует что-то вроде: «Мэли завидовали все вокруг, только никто не знал, что она позволяла себе носить носки с дырками и каждое утро тратила по часу на то, чтобы выпрямить непослушные кудряшки».

Одним предложением можно показать отношение общества к Мэли, отношение самой Мэли к себе и ту иллюзию, которую она создает. Можно показать и более глубокую травму Мэли, добавив драмы: «Мэли завидовали все вокруг, только никто не знал, что она позволяла себе носить носки с дырками и каждое утро выжигала непослушные кудряшки, пока те не принимали единственно приемлемую форму – прямую!».

То есть она уже не просто пытается себя поменять, она не принимает себя вовсе! Мэли не просто борется с кудряшками – она выжигает их; так мы увеличиваем градус эмоций, идем в глубину.

И все в деталях: носки с дырками, кудряшки. Мы не говорим напрямую, как Мэли к себе относится, мы это показываем.

Именно детали понятны читателю, они делают персонажа близким, живым, именно в них можно найти сходство со своей жизнью.

Детали – это крючки. Бытовые детали – крючки с наживкой!

Скажем, вот сидит наш герой, и раздается телефонный звонок, который ломает его жизнь.

Мы способны головой понять, что произошло нечто плохое. Но сопереживать герою мы начнем, если до звонка он будет не просто сидеть, а «жить».

Достанет пакет холодного сока и выпьет залпом, или будет стоять у плиты и варить кофе в турке, рассматривая пен-

ку, или будет разрезать перец и бороться с прилипающими к пальцам семенами. Все это – знакомое нам – позволит начать испытывать к герою чувства. А потом дзинь! – и мы уже в какой-то степени ломаемся вместе с персонажем.

До своей писательской деятельности я была человеком крайне невнимательным. Мало кто поверит, но вот вам реальная история.

В университете моя подруга, которая два курса проходила брюнеткой, однажды запорхнула в аудиторию с волосами цвета сожженного беже! А я что? Машинально взяла у нее из рук злаковый батончик – банановый, мой любимый, и тут же начала говорить о том, что пару отменили и можно сходить на только вышедший «Мальчишник в Вегасе». И не потому, что я проигнорировала кардинальную смену ее образа. Нет! Я вечно витала в своих мыслях и не заметила новый цвет ее волос. А для девушки это вовсе не мелочь.

Чтобы емко описать те отношения с подругой, скажу так: она очень обиделась на меня. Вот прям очень. Но простила, как только я сделала брови домиком. А я сразу так сделала, потому что знала – сработает!

И не надо объяснять, что подруга сильно меня любила. А я позволяла себя любить.

О чем сейчас, например, очень жалею. Жизнь нас развела. Я думала, она поступит в один из университетов Лондона или, на худой конец, Милана и будет покорять модную индустрию. А она переехала в другую страну. Не в Англию

и не в Италию. И посвятила себя семье. Сейчас у нее трое прекрасных сыновей.

Кстати, вы заметили детали в описании подруги? Здесь, на мой взгляд, получилось одним сравнением показать сразу несколько характеристик. Волосы цвета сожженного беже – понятно, что волосы она сожгла, понятен цвет, такой карамельный. А еще беже – нечто воздушное, что тоже характеризует подругу. И все мы знаем, как сладко пахнет беже, – она предпочитала сладкие ароматы.

Далее мы видим, что я машинально взяла злаковый батончик, а она знала мои пристрастия. Это говорит о ее внимании ко мне и о том, что я воспринимала заботу как должное.

А теперь будет интересный момент. В описании выше я позвала подругу на «Мальчишник в Вегасе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.